

В. Быстрянский

КОММУНИЗМ, БРАК и СЕМЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ 1921

4-я Государственная Типография. Фонтанка, 57.

I.

Еще в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической Партии» К. Маркс и Ф. Энгельс коснулись вопроса о роли семьи при капиталистическом способе производства и изменения ее форм при коммунизме.

«Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен» — кричит хором вся буржуазия.

«Буржуа видит в своей жене простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны эксплуатироваться сообща, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что эта общность коснется также женщин.

«Он и не подозревает, что речь идет как раз о том, чтобы уничтожить положение женщины, как простого орудия производства».

Упрек в общности жен Маркс и Энгельс возвращают обвинителям.

«Впрочем, нет ничего более смешного, как высоконравственный ужас наших буржуа, по поводу воображаемой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она почти всегда существовала.

«Не довольствуясь тем, что к их услугам жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят величайшее удовольствие в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

«Буржуазный брак представляет в действительности общность жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве только в том, что они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой официальной, открытую общность жен. Впрочем, само собой разумеется, что с *уничтожением* нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. - е. официальная и неофициальная *проституция*».

Маркс и Энгельс однако не думали отрицать того, что современная форма семьи не последняя ступень в развитии отношений между полами, что буржуазная семья исчезнет вместе с крушением буржуазного способа производства.

Буржуазную форму семьи должна постигнуть участь прочих надстроек над преходящей формой исторического развития—капитализмом.

В «Коммунистическом Манифесте» имеются следующие замечательные строки.

«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы негодуют по поводу этого позорного намерения коммунистов.

«На что опирается современная буржуазная семья?—*На капитал, на частную наживу.* В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое *дополнение* в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой *проституции.*

«*Семья буржуа отпадает, конечно, вместе с отпадением этого ее дополнения; и семья и дополнение исчезают вместе с исчезновением капитала.*»

Но творцы коммунизма говорят не об исчезновении семьи вообще, а об уничтожении буржуазной семьи,—они не устают повторять, что семья есть институт, имеющий многотысячелетнюю историю и способный к дальнейшему развитию и усовершенствованию. Отсюда следует, что моногамная семья в ее буржуазной форме не есть последнее слово истории.

Само развитие капиталистического способа производства, по мысли Маркса, создает экономическую основу для более высокой формы семьи и воспитания. «Каким ужасным и отвратительным ни оказывается разрушение старинного семейного строя внутри капиталистической системы, тем не менее крупная промышленность той решающей ролью, которую она отводит женщинам, подросткам и детям обоего пола в общественно-организованном процессе производства вне сферы домашнего очага, создает новую экономическую основу для более высокой формы семьи и для более высоких отношений между обоими полами.

«Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и древне-римскую, древне-греческую или восточную ее формы, которые образуют, впрочем, только последовательные ступени исторического развития. Точно так же очевидно, что и составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и самого различного возраста, хотя в своей стихийной и грубой капиталистической форме—в которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего—и представляет заразительный источник разврата и рабства, при соответствующих условиях должно, наоборот, сделаться источником развития человеческой личности» ¹⁾.

¹⁾ «Капитал», том I.

Как указывал Энгельс в «Происхождении семьи», только коммунизм создает условия для действительно свободного брака. «Полная свобода в заключении брака может быть только тогда проведена везде, когда устранение капиталистического производства и созданных им отношений собственности уничтожит все посторонние, экономические соображения, которые еще в настоящее время оказывают такое могущественное влияние на выбор супругов. Тогда уже не останется никакого другого мотива помимо взаимной склонности».

Наиболее обстоятельно был рассмотрен вопрос о семье Фридрихом Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Он анализирует здесь экономические предпосылки моногамной формы семьи, господствующей у «цивилизованных» капиталистических наций.

По его словам, «моногамия—первая социальная форма, основанная не на естественных, а на *социальных* требованиях...

«Господство мужа в семье и несомненная законность детей, будущих наследников имущества отца, вот по понятиям греков исключительная цель моногамии. Во всем остальном она их тяготила, она налагала на них обязанности по отношению к богам, государству и предкам.

«Появление моногамии не установило равноправности между мужчиной и женщиной. Напротив, моногамия есть *подчинение одного пола другому*, проявление небывалого до того времени антагонизма между ними. В одной не напечатанной статье 1846 г., составленной Марксом и мною, сказано: «начало разделения труда—участие в процессе продолжения рода мужчины и женщины»; в настоящем случае добавлю: *первое разделение общества на классы совпадает с развитием в моногамии антагонизма между женщиной и мужчиной и первое подчинение одного класса другому—с подчинением женщины мужчине*. Моногамия, несомненно, великий социальный успех, но с ее установлением начинается, наряду с рабством и частною собственностью, тот до сего времени продолжающийся исторический период, в котором всякий прогресс сопровождается регрессом, благосостояние и преуспевание одного несчастием и придавленностью другого. Моногамия — это клеточка цивилизованного общества, по которой можно изучать все противоречия и несообразности, в нем заключающиеся».

Установлению частной собственности в сфере социальных отношений соответствует появление единобрачия в ходе развития отношений между полами.

«Господство мужчины над женщиной составляет основной социальный закон» при единобрачии и проявляется в гетеризме и проституции, во внебрачных половых сношениях мужчин с незамужними женщинами.

Но по известному закону механики—действие равно противодействию.

«С единобрачием выступают на общественную арену две характерные фигуры, прежде того неизвестные: возлюбленный жены и муж-рогоносец. Мужчина победил женщину, но побежденная великодушно увенчала победителя. Наряду с единобрачием и гетеризмом, необходимым общественным явлением стало и нарушение супружеской верности; его преследуют, наказывают, но ничего не помогает».

Так моногамная семья является зеркалом раздираемого классовыми противоречиями общества.

«Отдельная семья, говорит Энгельс, оставшаяся верною своему историческому происхождению и ясно выражающая в возникающих между мужем и женой недоразумениях исключительное господство мужчины, представляет в малых размерах картину тех противоречий и недоразумений, среди которых живет общество, разделенное со времени наступления периода цивилизации на различные классы, и которые победить или разрешить оно не в состоянии».

Далее Энгельс рисует положение семьи «в наше мещанское время».

«В лучшем случае, говорит он, моногамия приводит к невыносимой скуке супружеского сожития, что принято называть семейным счастьем».

Но как общее правило, среди буржуазии в обоих случаях «супружество обуславливается общественным положением лиц, вступающих в брак, и потому такое супружество можно назвать *браком приличия*».

Буржуазии Энгельс противопоставляет пролетариат.

«Действительная половая любовь к жене существует лишь у подчиненных классов, в наше время у пролетариев, живут ли они в законном браке или вне его—все равно. Но такое брачное сожитие свободно от всех требований классической моногамии. Тут *нет собственности, для охранения и передачи которой детям возникло единобрачие с господством мужа*, и следовательно нет повода к проявлению последнего. Да нет и средств охранять эту власть: она находится под защитой гражданского права, а это право существует лишь для зажиточных людей и для их отношений к пролетариям; пользоваться этим правом стоит денег, а потому оно как бы не действительно для бедного рабочего и для столь же бедной его жены. Тут действуют иные личные и общественные отношения. Наконец, со времени крупной промышленности женщина оторвана от семейного очага и брошена на рабочий рынок; она часто становится кормилицей всей семьи, а в такой семье нет места господству мужа,—встречается лишь варварское обращение с женой, возникшее вместе с моногамией».

Вообще семья пролетария не представляет в строгом смысле единобрачия, даже в том случае, когда между мужем и женой самая страстная любовь и несомненная верность, и несмотря на всевозможные светские и духовные благословения. Поэтому в браке между пролетариями самую незначительную роль играет гетеризм и супружеская неверность, эти вечные спутники моногамии; в этом браке женщина фактически возвратила себе право развода; когда жить вместе тяжело, супруги расходятся. Одним словом брак между пролетариями — единобрачие в этимологическом, а отнюдь не в историческом смысле этого слова.

Энгельс затрагивает вопрос и о дальнейших судьбах семьи при новых формах общественных отношений, — здесь он присоединяется к Моргану, который говорит: «*семья ныне, как и прежде, будет прогрессировать вместе с прогрессом общественных учреждений*», изменяться вместе с изменением этих учреждений. Семья есть произведение социальной системы, которая в ней отражается. Так как условия моногамии с началом цивилизации несколько улучшились, и весьма заметно в последнее время, то дозволительно предположить, что эта форма семьи способна к дальнейшему усовершенствованию до равноправия обоих полов. Если же в далеком будущем единобрачная семья не будет в состоянии выполнить социальные требования, то теперь еще невозможно предсказать форму и свойства ее наследницы» (Первобытное общество).

О конкретных формах семьи при коммунистическом строе Энгельс подобно Марксу не высказывался, — метод научного социализма, творцами которого они были, исключал возможность сколько-нибудь конкретных предсказаний далекого будущего.

Вполне прав Шарль Андлер, когда пишет: «Маркс и Энгельс не дают определения формы будущих брачных отношений» ¹⁾.

Энгельсу, как известно, принадлежит первоначальный набросок «Коммунистического Манифеста» ²⁾.

Здесь он высказывается в следующих словах о формах семьи и отношениях между полами при коммунизме.

«Он (коммунизм) превратит отношения между обоими полами в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц, в которые обществу ничего вмешиваться. Оно может сделать это, так как уничтожит частную собственность и введет общественное воспитание детей и, вместе с тем, уничтожит обе основы современного брака, —

¹⁾ Введение и комментарий к «Коммунистическому Манифесту», ПБ., 1920, 104.

²⁾ Под заглавием «Принципы коммунизма» он вышел в 1917 году, в русском переводе с предисловием Берштейна, под редакцией т. Зиновьева, ныне вышло новое издание.

зависимость женщины от мужчины и детей от родителей вследствие частной собственности».

Вот всё, что может сказать марксист об отношениях между полами при коммунизме.

Его победа предполагает полное отмирание государства, исчезновение всяких внешних принудительных норм, регулировавших до сих пор отношения людей друг к другу,—естественно отпадут и все декреты, которые в переходный период устанавливались пролетарским государством в области брачных и семейных отношений.

Но Энгельс говорит тут больше,—он предвидит наступление поры, когда не только государство—этот орган насилия и принуждения, обреченный на сдачу в музей древностей при коммунизме,—но и общество совершенно устранится от вмешательства «в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц», какими, несомненно, являются «отношения между обоими полами».

Эксплуатация одного класса другим, угнетение одной части общества другой—вот основной факт, общий историческим формациям, предшествовавшим коммунизму.

Явлением, общим различным историческим эпохам, было подчиненное положение женщины.

Формы этого подчинения не раз менялись, но сам факт его оставался неизменным.

Порабощение женщины часто прикрывалось видимостью преклонения перед ней, как то было в средние века в кругах феодального рыцарства,—в 18 столетии накануне крушения абсолютизма.

Но иллюзия культа женщины ничего не изменяла в самом факте неравенства между полами, имевшем прочные корни в экономике эпохи.

Особенно тяжело было положение женщин из трудящихся слоев нации,—они были угнетены вдвойне: и как эксплуатируемый класс, и как слабый пол.

К сожалению, изучение прошлого до сих пор было уделом историков, выходцев из господствующих классов. Мало внимания уделяли поэтому эти ученые быту трудящихся и эксплуатируемых масс,—они интересовались больше жизнью имущих, привилегированных классов.

Как мы увидим, мало поэтому разработаны судьбы трудящейся женщины в ходе исторического развития.

Но на всем его протяжении мы видим, как подчинение женщины вытекало из антагонизмов классового строя, из порабощения трудящихся присвоителями продуктов их труда.

Лишь уничтожение классовых различий в гармоническом обществе будущего покончит раз-навсегда и с порабощением одного пола другому.

II.

Весьма остроумно один французский писатель охарактеризовал положение женщины на протяжении поколений.

«Легко можно провести параллель между положением домашнего животного и положением, которое занимала женщина. Величайшая ее добродетель заключалась в услугах главе дома, повиновении ему, удовлетворении его половых потребностей, в том, чтобы рожать ему детей, заниматься хозяйством и способствовать уюту содержимого в порядке дома. Что касается ее прав, то были ли они больше прав, принадлежавших домашним животным? Сводились ли они к чему-либо иному, кроме получения достаточной пищи, к тому, чтобы ее повелитель не злоупотреблял скверным обращением с ней? Это право на соответственное обращение начинает признаваться за животными; однако не всегда оно признавалось за женщинами» ¹⁾.

Хозяйственные корни брачного союза не являются больше тайной для современной этнологии.

«Любовь и брак очень мало имели общего прежде, и скорее *разные хозяйственные соображения* и забота о детях способствовали образованию прочных уз, связывающих лиц различного пола», говорит известный немецкий этнолог Генрих Шурц ²⁾.

Нужно однако провести резкую разграничительную линию между проституцией и свободной любовью, что забывают делать некоторые этнологи, указывающие на признаки беспорядочного полового общения в первобытные времена и заключающие отсюда о существовании уже в те эпохи проституции. Так Шурц говорит, что «примеры, собранные Леббоком и в особенности Липпертом и считающиеся пережитками первоначальных условий, указывают, повидимому, на первоначальную общность полов, существовавшую в первобытных общественных группах, на свободную любовь, не признававшую никаких ограничений и повиновавшуюся только личному влечению. В древние времена, судя по многочисленным сообщениям, часто наблюдались условия, близко граничащие с беспорядочным половым общением. Свободная любовь до брака наблюдается и теперь еще у многих диких народов, и многочисленные обычаи указывают, повидимому, что мужчины племени пользуются известными правами на всякую женщину, по крайней мере до ее замужества, во время же свадьбы невеста в действительности или же только символически, отдается свадебным гостям, вождю, жрецу и т. п. Эти многочислен-

¹⁾ David Staars. «La femme anglaise et son évolution psychique». Paris, 1907, 45.

²⁾ «История первобытной культуры» СПб., 1910, 172..

ные примеры были причислены к остаткам прежней общности женщин. Но хотя и можно найти основательные возражения против такого взгляда, тем не менее надо все-таки считаться с фактами, и нельзя искусственно устранять их» ¹⁾).

Но далее (стр. 187-9) Шурц явно смешивает «свободную любовь молодежи, существующую у многих диких народов», с проституцией, между тем как основной признак проституции—превращение женского тела в товар—предполагает наличность товарного хозяйства. Итак, Шурц совершенно по-пустому полемизирует с «гуманитарными апостолами, которые взваливают именно на нашу культуру всю ответственность за этот промышленный разврат» (Ор. с., 186).

Неравенство между супругами закреплено уже в брачном праве древнейшего из законодательных памятников, которое знает человечество,—в знаменитом кодексе вавилонского царя Хаммураби (XXIII век до Рожд. Хр.).

«За нарушение верности наказывалась гораздо строже жена: как и в других законодательствах, на поведение мужа обращается и здесь меньше внимания. Еще Урукагина хвалится: «прежде женщины безнаказанно жили с двумя мужчинами, теперь их за это бросают в воду».

Кодекс в принципе признавал моногамию, но признавал за мужем право в известных случаях брать наложниц ²⁾).

В древнем Египте, в эпоху так называемого Древнего Царства «мужчина имел только одну законную жену, бывшую матерью его наследников. Она была во всем ему равна, встречала всегда к себе величайшее уважение и принимала участие в развлечениях мужа и детей; доброжелательные отношения, существовавшие между знатным человеком и его женой, постоянно и рельефно изображаются на памятниках того времени». «Кроме законной жены, бывшей в то же время хозяйкой дома, человек состоятельный имел еще гарем, у обитательниц которого не было никаких прав на имущество своего господина. Уже в ту раннюю эпоху гарем был общепризнанным установлением на востоке, и в нем не видели ничего безнравственного» ³⁾).

Вот что сообщают историки о положении женщины в Ассирийской державе во времена Саргона и Ассурбанипала (VIII—VII века до Рождества Христова).

«В настоящее время нравы переменились: женщин не покупают уже с публичного торга (предание сообщает, что в Вавилоне когда-то бывала ежегодная ярмарка для продажи девушек на базарной площади),—теперь родители заключают между собой сделку».

¹⁾ «История первобытной культуры», СПб., 1910, 146-7.

²⁾ В. А. Тур а е в. «История древнего востока», ч. I, СПб., 1911, 103.

³⁾ Дж. Г. Бр э с т е д. «История Египта», т. I, Москва, 1915, 89.

«По правде сказать, и в Ассирии жена раба, вещь своего мужа, и настолько раба по закону, что если бы ее отец или кто-нибудь из домашних осмелился потребовать ее обратно, его постигнет такое же наказание, как того, кто без достаточного основания оспаривает законность торговой сделки—денежная пеня: в случае Тавас-хасины она в самом договоре установлена в размере десяти мин серебром».

Жена «раздобывает себе шерсть и лен и охотно занимается рукоделнями».

«Она встает на заре и распределяет пищу для членов семьи, работу для служанок. Ночью не гаснет светильник ее. Руки ее берутся за прялку, пальцы крутят веретено».

«Она следит за домашним строем и не даром ест хлеб свой» ¹⁾.

В Ассирии в низших классах женщины пользовались большими правами, чем среди знати.

«Ассирийки из народа пользуются независимостью почти неограниченной. Они гуляют, когда им вздумается, по улицам и дорогам, босиком, с непокрытой головой и лицом, в своих длинных платьях из мохнатой ткани. Они ходят на базар, навещают подруг, хлопчут по своим делам, никем не стесняемые; они распоряжаются своим имуществом, получают наследство, покупают и продают за свой страх, выступают в качестве свидетельниц на суде,—словом, они почти во всем равноправны со своими мужьями».

«Женщины из высших классов по закону обладают теми же правами, в действительности же им уделено весьма немного действительной свободы. Они получают всю роскошь и все удобства, на какие дает им право их богатство, но должны оставаться дома: если они выходят, их окружают служанки, евнухи и пажи, и это плотное кольцо почти совсем заслоняет от них внешний мир. Царицы в полном рабстве своего положения, и остаются почти невидимы всю жизнь для всего, что не их семья и обычный домашний круг» ²⁾.

Древняя Греция, колыбель европейской культуры, являет нам печальную картину порабощения женщины,—круг ее деятельности ограничивается домашним очагом.

Художественная литература Эллады, откуда нам, главным образом, приходится черпать сведения о древнегреческой жизни, говорит нам почти исключительно о женщинах из господствующего класса,—но и их доля была мало радостна ³⁾.

Такую картину рисуют нам и знаменитые поэмы Гомера, в которых отразились взгляды древнегреческого рыцарства, феодальной аристократии эллинского средневековья.

¹⁾ Г. М а с п е р о. «Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. II Ассирия». Москва. 1916, 55, 57, 64.

²⁾ О р. с., 24.

³⁾ См. проф. В. Бузескул. «Женский вопрос в древней Греции» в «Исторических этюдах». СПб., 1911.

Красота, разум, искусство в рукоделии—таковы качества, которые особенно ценились в женщине гомерической эпохи. Домашнее хозяйство, пряденье, тканье—вот ее дело. Прощаясь с Андромахой, Гектор говорит:

«Лучше, вернувшись домой, ты займись там *собственным делом, Прялкой и ткацким станком*—и блюди, чтоб служанки свершали Точно работы свои. О войне ж позаботятся мужи». («Илиада»).

Когда Пенелопа сошла было вниз, в пиршественное собрание, и, расстроенная песнью о печальном возврате ахейн из Трои, просила певца прервать эту песнь и спеть другую, то ее сын Телемак обращается к ней с такими словами:

«... Удались: занимайся, как должно, порядком *хозяйства, Пряжей, тканьем, наблюдай*, чтоб *рабыни* прилежны в работе Были своей; *говорить же не женское дело*, а дело Мужа, и ныне мое, у себя я один повелитель». («Одиссея»)¹⁾.

Домашняя работа женщины имела тем большее значение в Греции, что и в более позднее время (как и во времена Гомера) «не только пища приготавливалась дома в гораздо большем объеме, но также и вся одежда была домашнего изделия»²⁾.

Не изменилось к лучшему и положение женщины в самую блестящую эпоху эллинской культуры.

Еще в век Перикла считалось величайшею славой для женщины, когда о ней меньше всего говорилось в среде мужчин как в дурную, так и в хорошую сторону (Фукидид. История Пелопонесской войны II, 45). От жены требовалась верность, но мужу позволялось все.

Знаменитый греческий оратор Демосфен в одной из своих речей сказал (IV в. до Р. Хр.): «гетеры служат нам для наслаждения, наложницы—для повседневного ухода за телом, супруги—для рождения законных детей и для ведения домашнего хозяйства». Эта житейская философия была наиболее подходящей для класса собственников.

Однако, заметны и новые веяния. Греческий трагик Эврипид, представитель «эпохи просвещения», не представитель «чистого искусства», а глашатай новых идей, отводит женщине видное место в своих произведениях. В конце V века женщина в Афинах пробуждается, выходит из своего приниженного, замкнутого положения, она проявляет стремление к эмансипации,—недаром Аристофан, произведения которого являются отражением современной ему действительности, посвятил целых три комедии освободительным стремлениям женщин, изображая их в каррикатурном виде.

¹⁾ Едва ли прав поэтому Поланд, когда пишет, что гомеровские поэмы «показывают нам греческую женщину в гораздо более почетном положении, нежели во времена позднейшей, более высокой культуры». Эллинская культура Ф. Баумгартен, Р. Вагнер, Ф. Поланд, в общей истории европейской культуры, т. I, СПб., 1908, 305.

²⁾ Эллинская культура Баумгартена и т. д., 335.

Знаменем времени является и позиция Платона. Борцом за равноправие женщин в древности был знаменитый философ, представитель своеобразного аристократического «коммунизма».

Как известно, Платон в своем «Государстве» проповедует общность жен, детей и имущества, по крайней мере для высшего класса, так называемых стражей. При такой общности, по его мнению, будет достигнута большая цельность и единство; но, как справедливо замечает проф. Бузескул, «у Платона общность имущества—не столько коммунизм, не столько общее право каждого на пользование земными благами, сколько общий отказ от благ: а общность жен не есть признание права свободной любви» ¹⁾.

Напротив, у него правительство строго регулирует заключение *временных* браков, в видах улучшения породы или расы, причем рекомендуется даже прибегать к подложным жребиям. По Платону мать не должна знать своих детей, а дети—родителей. Дети с самого рождения поступают в своего рода воспитательные дома, и их воспитанием заведует государство.

Платон в «Государстве» доказывает равенство мужчин и женщин, между прочим, прибегая к аналогии из мира животных. Природа их, говорит он, одинакова, и нет такого дела, которое было бы свойственно женщине, как таковой, или мужчине, как таковому. Силы природы равно разлиты в обоих полах; по природе всем делам причастна женщина, всем и мужчина; только женщина слабее мужчины. Но и тут бывают исключения, и иная женщина превосходит иного мужчину; а во-вторых, если и есть некоторая разница между мужским и женским полом, то разница эта не существенная, лишь количественная, а не качественная, не такая, которая мешала бы обоим полам во всем участвовать на одинаковых правах. Платон сравнивает это с тем, как, напр., если бы от занятия ремеслом башмачника устранить людей, имеющих густые волосы, на том основании, что есть плешивые башмачники, или наоборот.

Из такого взгляда Платона на женскую природу вытекают два его положения.

Во-первых, женщина должна иметь *права и обязанности, одинаковые с мужчиной*: ей должен быть открыт доступ ко всем занятиям, ко всем должностям, не исключая и правительственных, и к военной службе; она должна занимать места в государстве, ходить на войну, разделять с мужчиной обязанности стражей и по возможности иметь участие во всем. На войну женщины будут ходить сообща и водить с собой подростков, чтобы те, всматриваясь, приучивались и

¹⁾ Ор. с., 53.

помогали. Делая все сказанное выше, женщины, по словам Платона, *не будут делать чего-либо противоречащего их природе. Существующий порядок скорее противоречит природе.*

Во-вторых, женщина должна получать и образование, одинаковое с мужчиной; она должна заниматься не только музыкой, но и гимнастикой и военным искусством.

Он говорит: «пусть жены стражей разоблачаются для участия в гимнастических упражнениях, лишь бы они облакались добродетелью; пусть участвуют в войне и в других занятиях, касающихся государства»...

Сам Платон впоследствии, признавая свой идеал совершенного—с его точки зрения—государства неосуществимым, пошел на компромисс с господствовавшими в его время порядками и предложил в своих «Законах» другой, менее совершенный тип государства. Здесь он уже не повторяет своего положения об одинаковых способностях мужчины и женщины; он говорит уж об отдельном, видоизмененном сообразно полу, образовании; но все-таки *попрежнему настаивает на привлечении женщин к военной службе: пренебрежению женским полом должен настать конец*, говорит он, *ибо иначе государство лишается половины своих сил* ¹⁾.

В эпоху эллинизма—объединенного эллинской культурой греко-восточного мира после Александра Великого—привлекшую за последние десятилетия такое внимание исследователей, положение женщины изменилось к лучшему.

«Дух нового времени сильно сказывается и в изменении положения женщины,—пишет один историк.—Эмансипация ее явно прогрессирует. Причин, породивших ее, несколько. Прежде всего, с прекращением интенсивной политической деятельности, отпала главная причина прежнего отчуждения мужчины от семьи и дома. Кроме того, *женщины в иных случаях становились владелицами большей части капитала, находившегося в обладании у гражданства*, подобно тому, как раньше в Спарте, и это является *второй* ²⁾ *причиной их большей самостоятельности*. Мы часто видим в последующей истории, особенно во времена империи, женщин, жертвующих свое состояние на общественные нужды: на постройки, на водопроводы, бани, общественные строения, на учреждения для воспитания юношества и религиозные нужды. В Юго-Западной Малой Азии, они, благодаря своему богатству, несут литургии и достигают эпонимных государственных должностей; правда, в названных местностях дело не обошлось без влияния, именно здесь исконного, права матриархата. Во все времена, как в эпоху средневе-

¹⁾ Эллинистическо-римская культура в изложении Фрица Баумгартена, Франца Поланда, Рихарда Вагнера. СПб. 1914, 63.

²⁾ Не первой ли?

ковья, так и в наше время, блеск в придворную жизнь вносили женщины. За это же их и в эллинистическую эпоху не перестают прославлять поэты и ученые.

«В то же время изменился тон в светском общении обоих полов, ставший, однако, вместе с тем, и непринужденнее.

«С повышением положения женщины повышается и ее образование».

В древнем Риме женщина пользуется гораздо большей свободой, чем в Греции.

Уже в древнеримской семье, несмотря на совершенно исключительную власть отца (*patria potestas*), имевшего право жизни и смерти не только над женой и детьми, но и над всеми домочадцами,—мать семейства пользуется высоким авторитетом и уважением.

Римлянка сохраняет свое достойное положение в семье и в эпоху республики.

Характерно уже то обстоятельство, что римлянину никогда не приходит в голову ограничивать свободу жены одной половиной дома. Женщина не была лишена свободного общения с мужчинами; она принимает родственников и сама ездит в гости, принимает участие в обедах и у себя дома и вне его, причем она, правда, воздерживается от вина, она присутствует на богослужении, появляется в суде и ходит с разрешения мужа даже в цирк и театр. Обычай требует только, чтоб женщина не покидала дома одна. Главной ее задачей, разумеется, оставалось ведение хозяйства, не столько наблюдение за кухней, сколько надзор за пряжей шерсти, главным же образом, попечение о воспитании и обучении детей. В более поздние времена, муж величал жену «госпожей» (*domina*) сообразно высокому почету, которым она была окружена, и советовался с нею в трудных вопросах жизни; день ее рождения, так же как общий праздник замужних женщин, Матроналии (1-го марта), торжественно праздновался ¹⁾.

Во времена империи эмансипация женщин делает значительные успехи ²⁾. Как рассказывает Гастон Буассье ³⁾, «им удалось даже отменить ту привилегию, которою так наивно гордится Катон в одной из речей своих. «Если ты застанешь свою жену за прелюбодеянием, говорит он, закон позволяет тебе убить ее без суда. Если же она случайно застанет тебя в таком же положении, она не имеет права дотронуться до тебя пальцем, закон запрещает ей это».

¹⁾ Эллинистическо-римская культура в изложении Фрица Баумгартена, Франца Поланда, Рихарда Вагнера. Пер. под ред. проф. М. И. Ростовцева. СПб., 1914, 283, 346.

²⁾ Op. c., 495.

³⁾ Римская религия от времен Августа до Антонинов. Москва. 1914, 549.

Император Антонин уничтожил это неравенство, и муж наказывался за прелюбодеяние точно так же, как и жена».

Историк римских нравов времен империи Л. Фридендер не перестает жаловаться, что дошедшие до нас сведения, в большинстве случаев, относятся к женщинам высших классов ¹⁾. «Относительно того, как складывалась жизнь женщин в средних и низших слоях общества, мы встречаем в литературе только случайные и поверхностные намеки» ²⁾.

И Фридендер отмечает большую свободу знатной римлянки по сравнению с гречанкой.

«Римлянки были самостоятельны не только внутри дома, но и в обществе. Даже в первые времена республики свобода их ничем не ограничивалась, в разрез с жизнью гречанок, высшей славой которых было, «если о них среди мужчин говорилось как можно меньше, безразлично—будь то с похвалой или с порицанием», для которых границей являлся порог дома, который они могли переступать только в исключительных случаях, не навлекая на себя дурной славы. Хотя в древнем Риме предпочтительно ценились только хозяйственные добродетели матроны, но тем не менее обычай никогда не отстранял ее от светской и вообще общественной жизни». Корнелий Непот сопоставляет в предисловии к своим биографиям главные различия греческого и римского быта. «Какой римлянин,—спрашивает он,—постыдился бы отправиться на пир вместе с женою, и чья жена не живет в передней части дома и чуждается общества?». Римским женщинам разрешалось также посещать представления и вообще общественные места ³⁾.

О нравах римских аристократок можно судить по следующему сообщению историка Диона.

После того, как Септимий Север заключил мир с каледонцами (211 г.), императрица Юлия в разговоре с женой одного из вождей стала посмеиваться над существующей у них общностью жен, на что эта ответила: каледонянки лучше римлянок, тайно живущих с худшими, тогда как они открыто общаются с лучшими ⁴⁾.

В древней Галлии до покорения ее римлянами среди населявших ее кельтских племен подчинение женщины было полное; отец семьи имел над ней те же права, что и над детьми, над которыми он обладал правом жизни и смерти.

В некоторых отношениях, однако, положение женщин представляется довольно благоприятным. По Цезарю, муж не покупал жены; она приносила ему приданое. К нему он прибавлял равную часть из своих средств; это имущество

¹⁾ Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. СПб. 1914, 261.

²⁾ Ор. с., 307.

³⁾ Ор. с., 275.

⁴⁾ Ор. с., 279.

вместе с нараставшим доходом оставалось неприкосновенным и доставалось тому из супругов, кто переживал другого».

«Кельтское право, вытесненное в Галлии римским, продолжает развиваться у островных кельтов, и там, может быть, развивались дальше указанные только что зародыши женского права. Из юридических и литературных документов Ирландии видно, что дочь может наследовать вместо сына, что женщина может быть равна мужчине и возвыситься до положения вождя племенной группы, если ее состояние равно или больше состояния мужа. Как собственница земли, она должна ее защищать,—вот почему в некоторых случаях верховная власть в войне и мире вручается женщинам. Королева Боадичея, которая руководила борьбой с римлянами в 61 году по Р. Х., не была исключением. Галльская женщина не возвышалась до подобного почета. Однако, и она могла быть косвенно влиятельной, о чем свидетельствуют факты заключения браков для укрепления политических союзов»¹⁾.

В средние века общественное положение женщины не улучшается по существу. Известный французский историк Альфред Рамбо идеализирует действительность, когда пишет, что одной из наиболее характерных и существенных черт цивилизации средневековья является значительная роль женщины в обществе.

«Начало его заметно уже у древних германцев; у них принято было спрашивать женщин о войне и мире; они верили в то, что в женщинах есть «нечто божественное», что они одарены высшей мудростью и даже способностью предсказывать будущее. Они сопровождали мужчин на войне, возвращали их в бой, когда те отступали, и лишали себя и своих детей жизни, для того, чтобы не остаться в живых после поражения: напр., жены тевтонов в битве с римлянами при Экс (в 102 г. до Р. Х.).

«Христианство дало женщинам высокий идеал чистоты и добродетели оно допустило их к такому же участию в культе, как и мужчин.

Постепенное развитие культа Пресвятой Девы знаменует собой все возрастающее значение женщины; значение ее увеличивается как на земле, так и на небе; на алтарях, воздвигнутых в честь Марии, чтят и почти обожествляют женщину, как деву, как мать».

Рыцарские нравы действовали в том же направлении. «Благородный был лишь тогда настоящим рыцарем, когда он избрал «даму своих грез», которую он любил исключительной и чистой любовью.

¹⁾ Г. Блок. «Независимая Галлия и римская Галлия» (в «Общей Истории европейской культуры», т. VII, История Франции в раннее средневековье, СПб., 1913, 40).

«Поэты еще больше возвеличили эту героическую экзальтацию; поэты юга изобрели изящные, сложные, утонченные способы ухаживания». Но, замечает историк, «действительность не всегда соответствовала идеалу; грубость нравов иногда резко опровергала теорию, созданную рыцарями и поэтами».

Все же «дамы внушали своим поклонникам не только чувства храбрости, вежливости и чести; они прививали им вкус к изяществу наряда, учтивости в обращении, к веселой науке и образованию. Даже горожанки пользовались свободой, неизвестной во времена древности. В XIV веке в Турени они принимали участие в выборах в «Собрания генеральных чинов». Если они занимались торговлей, они имели право предъявлять иск в суде, не получив предварительного разрешения мужа. Французские горожанка, крестьянка участвуют во всех видах деятельности и в общем участвуют в прибылях, получаемых их мужьями; последние, несмотря на проявляемую по временам грубость, верят в их благоразумие, считаются с их советами, выслушивают даже их упреки: в их руках дом, они берегут деньги, выдвигают принцип сбережения» ¹⁾.

Однако, внешние формы поклонения, оказываемые женщине, не свидетельствуют о ее свободе.

Ее возвеличивают лишь в поэзии провансальского юга.

На деле она находится в подчинении у отца и мужа.

Сами рыцарские поэмы XII—XIII веков, в которых как в зеркале отразился быт феодального общества, рисуют картину подчинения женщины.

В поэме «Gagus» королева Бланшфлер стала упрекать короля Франции Пепина за то, что он не сдержал своего слова. Король слышит это и дрожит от неистового гнева. Он подымает перчатку, ударяет ею Бланшфлер по носу, причем у нее вытекло четыре капли крови. «Государь», говорит королева: «благодарю вас: вы можете повторить, вы—мой господин, а я, увы, на свое горе, ваша служанка».

«Во времена Филиппа-Августа (XIII век), несмотря на то, что в некоторых семьях начала замечаться вежливость, поэты считали женщину существом низшего порядка. Бароны Герена ругают даже королеву, как последнюю служанку: «Молчи», кричит ей Бернар де-Незийль: «глупая и бесстыдная женщина. Король спятил с ума, увлекшись тобой. Да погибнет тот, кто тебя венчал. Ничего из этого не выйдет, кроме стыда и бесчестья» ²⁾.

¹⁾ Alfred Rambaud. «Histoire de la civilisation française», tome I. 12-me édition. Paris, 1911, 432 и сл.

²⁾ Ernest Lavisse. «Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution», tome III, 1, par A. Luchaire. Paris, 1911, 375.

«Феодальный брак повсюду представляется в одном и том же виде. Наследница лена безучастно встречает назначенного ей ее отцом или сюзереном рыцаря или барона. Не считаются ни с ее желанием ни с ее сердцем. Она является как бы юридической принадлежностью лена и разделяет судьбу составляющей этот лен земли. Короли и сеньеры раздают своим вассалам вместе с ленными участками также и женщин, представляющих эти лены». Король Тьерри сказал герцогу Герену; «Храбрый и благородный витязь. Моя любовь к вам беспредельна, ибо вы сохранили для меня эту землю. Я желал бы рассчитаться с вами до своей смерти. Вот моя любимая дочь «Белый Цветочек» (Бланшфлер) с ясным лицом. Отдаю ее вам». Девочке было всего лишь восемь с половиной лет; она уже была краше всех женщин в странах. «Возьмите ее, сеньер Герен, и вместе с ней вы будете владеть моим леном».

Среди знати «брак остался союзом двух богатств и двух земельных владений» ¹⁾.

Один из историков Италии в эпоху Возрождения, говоря о переломе в положении женщины в эту эпоху, так характеризует ее положение в средние века.

«В средние века,—да, впрочем, и в XV веке, во всем, что оставалось верным средневековой традиции,—женщина стоит позади, на заднем плане, держась очень скромно запертой спальни. Если рыцарство смотрит на нее, как на божество, то Церковь представляет ее дьяволом, и Церковь, в обыкновенной практической жизни, права. В этом вопросе нас не должны вводить в заблуждение внимание, оказываемое женщине поэтами, и искусно придуманная наука любви: это все красивые пустяки, известные способы быть любезным, литературное благодушное настроение,—словом все, что имеет цену в книгах и в годы молодости, и что не изменило сколько-нибудь заметно строгой дисциплины итальянской семьи, дисциплины, в одно и то же время монашеской и римской».

«Благоразумному человеку женщина представлялась низшим существом. Она—создание дьявола, «язва юношества, говорит Эней Сильвий, расточительница семейного имущества, дверь смерти, орудие ада». «Все женщины,—уверяет Альберти,—сумасшедшие и полны блох». Ее образ создан никак не по образу Божию, и художник Ченнино Ченини не находит в ее теле никакой идеальной пропорциональности. Когда на ней женятся, то,—по мнению Саккети—акт этот имеет такое же значение, какое имеет покупка лошади. На нее смотрят, как на служанку, как на корми-

¹⁾ Op. c., III, 1, 376. Cp. Ch. V. Lauglois. «La société française du XIII siècle d'après des romans d'aventure» 3-e édit. Paris 1911, passim.

лицу или как на ключницу; ее держат взаперти. Ее обучают шитью, но не чтению, «ибо женщине не слишком хорошо годится уметь читать, по крайней мере, если ты не хочешь сделать из нее монахиню». Ее выдают замуж, не спрашивая ни ее желаний, ни ее сердца».

«Я считаю,—говорит старик Джаиноццо,—что красоту женщины следует видеть не в прелести и миловидности лица; ее красота—в хорошем сложении и в способности выносить и произвести тебе кучу отличных сыновей». Ее доблести—доблести самки, как ее прелести—прелести домашнего очага. Она никуда не выходит, она не выходит даже в лавки, так как «было бы непристойно ей заниматься торговлей вместе с мужчинами на площадях». Она отнюдь не показывается в окнах. Она вовсе не касается ни дел, ни бюро, ни бумаг, ни забот, ни секретов своего мужа. Ей нечего ни спрашивать, ни вмешиваться, ни упрекать, ни жаловаться; ее жалобы только сердят, а ее болтовня надоедает» ¹⁾.

В средние века женщины принимают деятельное участие в еретическом движении, в котором под религиозным обликом низшие классы выступали, по словам новейшего исследователя, против существующего строя.

«В группе итальянских вальденсов (бернардинцев) женщины-сестры бродили по миру вместе с братьями, и показание хрониста подтверждается буллою Иннокентия. Некоторые вальденсы отстаивали право женщины совершать евхаристию: намеки на это в источниках существуют. В кругах катаров «совершенная» при некоторых условиях могла играть известную ритуальную роль, заменяя собою перфекта-мужчину. И у вальденсов и у катаров женщины были деятельнейшими распространительницами ереси. Но даже здесь по сравнению с мужчинами они остаются в тени» ²⁾.

Общество наслаждающихся жизнью патрициев эпохи Возрождения подняло на значительную высоту положение женщины своего круга.

«Женщина перестает быть недосыгаемой богиней, находящейся в светлом раю, она перестает быть и воплощенным дьяволом, которого Петрарка разыскивал в аду. Она более не бесплотная Дама, которую поэт и рыцарь в своих мечтах возводили на пьедестал; но она и не кроткая служанка, заваленная работами по дому. Она не стоит теперь ни так высоко, ни так низко. Выведенная из своего унижения, но сошедшая с пьедестала, женщина Кваттроченто поставлена

¹⁾ Филипп Монье. «Опыт литературной истории Италии XV века, Кваттроченто». СПб. 1904, 49-50.

²⁾ Л. П. Карсавин. «Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков». СПб. 1912, 462.

на своем месте, как того требует истинная гуманность, *рядом с мужчиной*, чтобы вместе с ним идти вперед, бороться и страдать» ¹⁾.

С началом нового времени, с развитием денежного хозяйства и буржуазии,—в эпоху, окрещенную идеалистической историографией эпохой Возрождения и гуманизма,—делает шаг вперед и женщина.

По словам одного исследователя, «для полного понимания общественности в эпоху Возрождения необходимо принять во внимание, что женщина в то время стояла наравне с мужчиной», «образование женщин в высших слоях общества в существенных чертах было то же самое, что и образование мужчин» ²⁾.

«С другой стороны, в то время не было вовсе речи о какой-нибудь особой «эмансипации», так как она разумеалась сама собой. Женщина, занимавшая положение в обществе, должна была, в силу обстоятельств, стремиться к совершенствованию своей личности во всех отношениях, подобно мужчине,—путь к этому заключался в таком же образовании ума и утонченности чувств.

Наибольшей славой для выдающихся женщин Италии того времени считалось проявление мужского ума и мужских чувств» ³⁾.

Экономические основы эмансипации женщины имущих классов в эпоху Возрождения были прекрасно выяснены Карлом Каутским в его монографии «Томас Мор и его утопия».

«Эмансипация женщины обозначает ее освобождение (по крайней мере до известной степени) от одиночного, отдельного хозяйства. Эта эмансипация стала возможною тогда, когда наиболее тяжелые домашние работы вновь сделались общественными. Впрочем, существует еще и другой путь достижения эмансипации, именно тот, что женщина сваливает работы по своему хозяйству на *других*. Конечно, таким образом, путем порабощения других женщин, может освободиться только небольшая часть их.

«Первый способ эмансипации женщин путем превращения ее работы в *общественную работу*, достигающуюся на долю известным специалистам, в существеннейших чертах своих принадлежит еще будущему. Между тем второй уже несколько раз становился неоспоримым историческим фактом: хорошие условия для такой эмансипации появлялись каждый раз в том случае, когда господствующий класс доводил эксплуатацию рабочего класса до того, что не только муж-

¹⁾ Op. cit., 56.

²⁾ Яков Буркгардт. «Культура Италии в эпоху Возрождения». Перевод с 8-го изд., СПб., 1906, т. II, 121, 122.

³⁾ Op. c., II, 124—5. Ср. Роберт Зайчик. «Люди и искусство итальянского Возрождения». СПб., 1906, 124 и сл.

чины, но и женщины этого класса могли совершенно освободиться от необходимости работать.

«Примером такой эмансипации женщин, обусловливаемой эксплуатацией, является Рим в эпоху императоров; современная нам *буржуазная эмансипация женщин* относится к той же категории явлений, как и эмансипация женщин, провозглашенная гуманизмом».

«Крестьянин не был бы в состоянии держать батраков или служанок, [а ремесленник—подмастерьев, без жены-хозяйки; ведь слуги и подмастерья принадлежали к семье, ели с хозяевами за одним столом, жили в их доме».

«Таким образом в XV и XVI веке, под влиянием огромных торговых барышей, жена купца, а также городского юриста, врача, чиновника и т. п., если у них было достаточно денег, освобождалась от работы по домашнему хозяйству и, вообще, от всякой работы. У нее оказалось время и желание заниматься вопросами, которые были очень далеки от ее прежнего круга деятельности, которые были не «женственными»¹⁾.

В Испании, в XVI—XVII веке, застывшей в завещанных ей средневековым формам феодализма и абсолютизма, женщина не выходит из бесправного положения.

По словам одного историка испанской литературы, изучавшего театр Лопе-де-Вега, «Лопе по справедливости можно назвать певцом женщин: по его семейно-бытовым драмам, мы, действительно, узнаем, что такое была испанка XVI—XVII столетий»²⁾.

«Семья была семьею патриархальной, где родители или лица, заступавшие их место, являлись полновластными распорядителями судеб своих детей. Женщина так всю жизнь и не выходила из-под опеки. Когда она была девушкой, ее волею распоряжались отец, мать, брат или ближайшие родственники... Муж был абсолютным повелителем своей жены, ее судьей и палачем. Женщина не должна была иметь своей воли, а во всем беспрекословно повиноваться супругу»³⁾.

По словам исследователя, «семейно-бытовые драмы Лопе-де-Вега являются превосходным источником для культурной истории Испании, что Лопе дает нам точную картину жизни современного общества. В семейно-бытовых драмах Лопе мы имеем дело с средними слоями испанского общества: перед нами являются дворяне (шляхта) и купцы. В этом особая ценность избранного нами отдела бытового театра Лопе. В

¹⁾ Русский перевод. СПб., 1905, 80-81.

²⁾ Д. К. Петров, «Очерки бытового театра, Лопе-де-Вега». СПб., 1901, 442.

³⁾ Д. К. Петров, «Очерки бытового театра, Лопе-де-Вега», 443, также 72 и сл.

то время, как жизнь различного рода проходимцев, занимавших нижние ступени социальной лестницы, нашла свое поэтическое отражение в плутовском романе и в фарсах; в то время, как деяния аристократов были воспеваемы и в прозе и в стихах, казалось бы странным, что средние классы, эта истинная сила нации, не имели своего правдивого изобразителя в драматической поэзии, которая, обыкновенно, считается зеркалом национальной жизни. Но Лопе-де-Вега и был изобразителем жизни и нравов среднего сословия».

XVII—XVIII века в европейской истории—эпоха абсолютизма—были в некотором смысле золотым веком женщины.

В своей известной книге «Женщина в XVIII в.» братья Гонкур прекрасно охарактеризовали то время.

«В эпоху между 1700 и 1789 г.г. женщина не только единственная в своем роде пружина, которая всё приводит в движение. Она кажется силой высшего порядка, королевой в области мысли. Она—идея, поставленная на вершине общества, к которой обращены все взоры и устремлены все сердца. Она—идол, перед которым люди преклоняют колена, икона, на которую молятся. На женщину обращены все иллюзии и молитвы, все мечты и экстазы религии. Женщина производит то, что обыкновенно производит религия: она заполняет умы и сердца. В эпоху, когда царил Людовик XV и Вольтер, в век безверия, она заменяет собою небо. Все спешат выразить ей свое умиление, вознести ее до небес. Творимое в честь ее идолопоклонство поднимает ее высоко над землей. Нет ни одного писателя, которого она не поработила бы, ни одного пера, которое не снабжало бы ее крыльями. Даже в провинции есть поэты, посвящающие себя ее воспеванию, всецело отдающиеся ей. И из фимиамов, который ей расточают Дора и Жентиль Бернар, образуется то облако, которое служит трон и алтарем для ее апофеоза, облако, прорезанное полетом голубей и усеянное дождем из цветов. Проза и стихи, кисть, резец и лира создают из нее, ей же на радость, божество, и женщина становится, в конце-концов, для XVIII в. не только богиней счастья, наслаждения и любви, но и истинно поэтическим, истинно священным существом, целью всех душевных порывов, идеалом человечества, воплощенным в человеческой форме» ¹⁾.

Но эта характеристика применима лишь к женщине привилегированного дворянского сословия, в боровшемся в ту эпоху за свое освобождение третьем сословии женщина занимает иное положение. В каждом сословии брак носил особый характер, определявшийся его социальными функциями.

¹⁾ Edouard et Jules de Goncourt. «La femme du dix-huitième siècle». Nouvelle édition. Paris. 1912, 404—5. Ср. Эдуард Фукс, «Иллюстрированная история нравов», т. II. Галантный век, 2-е изд. М.

Для дворянства «брак в XVIII веке не представляет собой ни общественного института, ни тайнства, а только договор с целью продолжения фамилии, сохранения рода, договор, не обязывающий ни мужа к постоянству, ни жену к верности. Общество того времени не смотрит на брак так, как смотрит на него современное общество. Он не вызывает ни у мужчины, ни даже у женщины тех чувств, которые связаны с сознанием душевного долга. Он не предполагает собой идеи любви; с трудом он ее допускает: в этом его главный отличительный признак, его прирожденный грех, но в этом же и его оправдание» ¹⁾.

Наоборот, у буржуазии, «у этого трудолюбивого класса, общественные условности, даже материальные выгоды не имели исключительного и решающего значения для союза мужчины и женщины. Для заключения брака была необходима, если не начинающаяся страсть, то по крайней мере известная симпатия девушки к молодому человеку, встречавшемуся с ней, причем ей нравилось, чтобы он разыгрывал из себя «влюбленного» (Селадона)» ²⁾.

«У этого класса общества брак действительно является чем-то совершенно противоположным тому, что он представляет собой у другого, выше стоящего класса: он является узами, а не освобождением; он возлагает обязанности на женщину, вместо того, чтобы дать ей права: он закрывает пред нею свет вместо того, чтобы открыть его для нее» ³⁾.

В верном отражении нравов XVIII века привилегированных верхов—романе Лили Браун «Письма Маркизы»—маркиз Монжуа пишет своей жене Дельфине, поставившей его в известность о своей беременности от любовника:

«Моя милая! Ваше сообщение гораздо менее поразило меня, чем вы думаете. Уже три года назад кардинал обратил мое внимание на ваши отношения с принцем Монбельяр. Я считал это тогда одною лишней связью, не больше, и был убежден,—не только доверяя предсказаниям Калиостро, но и на основании воспоминания о том, как быстро вы оставляли своих прежних любовников,—что вы тем скорее покончите и с этой связью, чем скорее я буду в состоянии создать вам положение, которое сделает вас предметом зависти всех женщин Европы».

Эти строки как нельзя более верно передают дух «галантного века»,—дают понять о том, с каким поистине философским спокойствием мужья относились к изменам своих жен.

¹⁾ Ор. с., 231.

²⁾ Ор. с., 264.

³⁾ Ор. с., 265.

Братья Гонкуры передали о словах мужа жене, которую он застал на месте преступления: «Что за безрассудство, сударыня! Если бы это был не я, а другой!»¹⁾

Женщины третьего сословия вели жизнь, исполненную труда и забот²⁾.

При капитализме с самого его зарождения для буржуазии брак превратился в коммерческую сделку.

Даниель Дефо, автор знаменитого Робинзона Крузо, в своем романе «Радости и горести», вышедшем в 1722 году, заставляет говорить свою героиню:

«Моя свояченица в Кольчестере была права, когда говорила, что в этом случае ум, красота, прекрасное обращение, добрый характер, нравственность, воспитание, здравый смысл, словом, все душевные и телесные качества женщины не имеют никакого значения, что *только одни деньги делают ее приятной*; правда, мужчина выбирает себе женщину, руководясь сердечным влечением к ней, однако же красота, хорошее сложение, прекрасные манеры и изящное обхождение необходимы только любовнице; что касается жены, то ее физические недостатки не охлаждают его желания, ее нравственные несовершенства не оскорбляют его; деньги составляют все; приданое не может быть кривым и безобразным; *золото нравится всегда*, какова бы ни была жена».

Продолжая свою автобиографию, героиня рассказывает:

«Мое положение было не особенно приятно. Условия, в которые я была поставлена, побуждали меня во что бы то ни стало найти себе хорошего мужа; но я скоро убедилась, что это не так легко сделать: все знали, что у вдовы нет состояния, а узнав, начали говорить обо мне все дурное, несмотря на то, что я была прекрасно воспитана, хорошо сложена, умна, приятна в обществе, словом—была одарена всеми хорошими качествами, но всё это не имело никакого значения без билоннов. Словом, всюду ходила молва, что у вдовы нет денег³⁾.

¹⁾ Op. c, 234, см. также H. Taine. «Les Origines de la France contemporaine». Ancien regime, 4 édition. Paris. 1877, 170 и сл.

²⁾ Для характеристики того далеко не одинакового интереса, который писатели уделяют женщинам различных общественных классов, следует отметить следующий факт: из 524 страниц книги братьев Гонкуров «О женщине в 18 веке» (издание 1912 г.) только 30 (гл. VI) посвящено «la femme de la bourgeoisie»—женщине из буржуазного класса,—35 (гл. VII)—la femme du peuple—женщине из народа, причем та же глава трактует и о femme galante, о публичной женщине! (sic!) Все же остальные 10 глав рисуют жизнь женщин привилегированного сословия—абсолютистской эпохи—дворянок...

³⁾ Перевод Канчаловского. Москва. 1903. В приложенной к русскому переводу статье В. Лесевич устанавливает влияние на Дефо испанской novela picaresca—шутовского романа.

Могучий переворот в условиях существования женщины из трудящихся низов был вызван рождением капиталистического способа производства, привлекшего ее на фабрики и заводы.

Новые производственные отношения не замедлили отразиться и на семейных и брачных узах. В своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Фридрих Энгельс писал о «моральных последствиях работы женщин на фабриках. Совместное пребывание людей обоих полов и всякого возраста в одной мастерской, неизбежное сближение между ними, скопление людей, не получивших никакого интеллектуального и нравственного воспитания, в одном тесном пространстве— всё это не может иметь благоприятных последствий на развитие женского характера...

«Работа на фабрике, как и всякая другая, если не более, связана с *jus primae noctis* (право первой ночи) хозяина, что, впрочем, само собою понятно. И в этом отношении фабрикант властен над телом и прелестями своих работниц». (Изд. Глаголева, СПб., 1905, 174).

«Другим пороком английских рабочих рядом с невоздержанностью в их потреблении спиртных напитков является их невоздержанность в половых сношениях. И этот порок вытекает с неизбежной железной необходимостью из общего положения этого класса, предоставленного самому себе, без средств надлежащим образом пользоваться своей свободой. Буржуазия предоставила ему только эти два наслаждения, возложив на него массу тяжкого труда и страданий. Чтобы хоть кое-как насладиться жизнью, рабочие набрасываются, поэтому, со всей страстью на эти два наслаждения, предаваясь им самым чрезмерным и беспорядочным образом. Когда людей ставят в положение, достойное только животного, им ничего более не остается, как или восстать против этого или на самом деле сделаться животными» (174).

В том же направлении, указывает Энгельс, действует и жилищная теснота ¹⁾.

Еще Фридрих Энгельс в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывал на экономические предпосылки освобождения женщины.

«Эмансипация женщины, ее равноправность с мужчиной невозможны до тех пор, пока труд женщины ограничивается домашней работой и она исключена из участия в общественном производительном труде. Эмансипация женщины возможна лишь при массовом участии женщин в общественном производительном труде и отделении лишь небольшого числа их на домашние работы. С новейшей крупной промышленностью наступило время постепенного освобождения женщины. Эта промышленность не только

¹⁾ См. также Маркс «Капитал». Госуд. изд. Москва, 1920. 391 и сл.

допускает, но и требует большей массы женского труда, и она же мало-по-малу обращает домашний труд в производительную общественную работу».

Новейшая крупная промышленность вовлекая женщин в промышленный труд, создает лишь предпосылку ее освобождения, ибо капиталистическая форма труда ввергает работницу в тяжелую зависимость от хозяина.

Только при коммунизме, уничтожающем антагонистическую форму общественного производительного труда, массовое участие в нем женщин явится залогом их освобождения.

Как это ни странно, даже во время пышного расцвета капитализма из среды буржуазных ученых, обладавших крупными заслугами в области своей специальности, раздавались голоса протеста против вовлечения женщин в промышленную жизнь.

Так, один из крупнейших буржуазных экономистов, автор всемирно-известной теории развития народного хозяйства, Карл Бюхер еще совсем недавно оплакивал разрушение капитализмом святости домашнего очага.

«Неужели на самом деле конечная цель развития наших культурных народов—заключается в том, чтобы снова взвалить на женщину бремя производства, которое с нее постепенно снял прогресс двух тысячелетий? Возвращение к варварству, разрушение семейного уклада в том виде, как он сложился со времени Реформации, разложение домашнего хозяйства, в котором женщина властвует, и внедрение ее в такого рода промышленный строй, в коем она может иметь лишь подсобное значение: трудно поверить возможности подобной бессмыслицы, трудно понять данную культуру, как таковую, раз она предает уничтожению одно из драгоценнейших своих сокровищ» ¹⁾.

В свойственном мелкобуржуазному хозяйству «семейном укладе» с прикреплением женщины к кухонному горшку Бюхер видит и драгоценнейшее сокровище «культуры».

Между тем привлечение целой половины человеческого рода к промышленному труду и являющееся его следствием «разложение» домашнего хозяйства есть, несомненно, прогрессивный момент капиталистического развития.

III.

С самого возникновения деления общества на классы представители командующего класса использовали свое господствующее положение и в половой сфере.

Рабовладелец, помещик-крепостник, фабрикант имеют полную возможность употребить во зло свою власть над

¹⁾ Karl Bücher. «Die Frauenfrage in Mittelalter», 2 Auflage, Tübingen, 1910, 64.

эксплуатируемой ими рабочей силой рабыни, крепостной, работницы.

По словам венского профессора Антона Менгера «можно утверждать, что всякое социальное отношение сил—основано ли оно на богатстве или же на политическом, религиозном или социальном влиянии—вызывает по общему правилу соответственное количество половой безнравственности. Так, у римлян признавалось, что собственник может пользоваться принадлежащими ему рабынями для удовлетворения своей похоти; только в том случае, когда он принуждал мужчину-раба к противоестественному непотребству, это обращало на себя некоторое внимание, не вызывая, однако, энергичных мер противодействия. Ту же картину рисуют и средневековые условия рабства и крепостного права, причем, однако, в отдельных случаях эти условия сконцентрировались в отвратительный институт первой ночи (*ius primae noctis*). Но и влияние современных предпринимателей и работодателей, хотя в общем и неизмеримо меньшее, чем прежде, еще достаточно значительно для того, чтобы вести по временам к таким же злоупотреблениям. Вообще же, всякий богатый человек, если только он по доброй воле не сосредоточил своих вожделений неромантического свойства на определенной женщине, и теперь еще может купить себе ровно столько полового удовольствия, сколько ему заблагорассудится» ¹⁾.

Менгер, по специальности юрист, удостоверяет, что буржуазная цивилизация, успехи которой так превозносят ее апологеты, отнюдь не положила конец привилегиям господствующих классов в сфере половых отношений.

«Конечно, в наше время рабство, крепостное право и подобные им отношения господства, неизбежно порождавшие в прежние века половую безнравственность, как массовое явление, более не существуют, но зато современное законодательство не знает и ограничений, боровшихся прежде с распространением этого зла. При обсуждении нового германского гражданского уложения я тщетно домогался, чтобы часть этих ограничений была восстановлена и чтобы таким образом было дано доказательство, что законодатель защищает не только имущественные интересы богатых против нарушения их бедными, но и половые интересы этих последних против вторжения первых. Мне на мои указания не возразили, и тем не менее предложенные мною поправки (поскольку они касались половых отношений) не были введены в кодекс» ²⁾.

Всё гражданское право капиталистических государств носит явные следы классовых интересов мужчин из буржуазии.

¹⁾ Антон Менгер. «Новое учение о нравственности». СПб. 1906, 54—5.

²⁾ Ор. с., 55.

По словам того же Менгера, «мужчины состоятельных классов народа, которые держат в своих руках всё законодательство, сильно заинтересованы в том, чтобы половые отношения с женщинами неимущих классов, которыми они дополняют свою половую жизнь до брака и в браке, носили характер свободной любви и не требовали от них больших жертв. Против этих порицаемых и нашей современной моралью стремлений убежденно и энергично восставали и средневековое церковное право и судебное право Германской империи, и даже прусское государственное право. Но полной победы добились эта тенденция в законодательствах Франции, Австрии, Италии и Германии, только в XIX веке. Чрезвычайно характерным доказательством того, какое огромное значение имеют в жизни человека половые интересы, может служить то обстоятельство, что германское гражданское законодательство приняло очень много правоположений, предложенных мною в интересах неимущих классов в различных областях гражданского права, но из самых умеренных моих проектов реформирования положения внебрачных детей не было принято (за ничтожными исключениями) ничего» ¹⁾.

IV.

Происходившая из аристократической среды германская реформистка Лили Браун в принадлежащем ее перу «Романе моей жизни—мемуарах социалистки» так характеризует «навязанные» ей «с детства... догматы и взгляды» относительно социал-демократии: «социал-демократы... гнусные распутники, ставящие себе целью жизнь, полную самых низменных наслаждений».

И не последнее место в этой благочестивой легенде занимала пресловутая общность жен.

«Социал-демократия, поднявшая оружие на нашего старого императора, поносившая отечество, стремившаяся разрушить семью и сделать женщин общим достоянием, представлялась мне последней ступенью, фазой этого оледенения», прибавляет Лили Браун ²⁾. «Разрушение семьи» и «введение» на-ряду с «общностью имуществ» и «общности жен» — вот традиционное обвинение, которое защитники «семьи, собственности и государства» всегда выдвигали против идеологов пролетариата, борющегося за свое освобождение.

Так это было в старину,—как мы увидим, еще в древней Греции консервативные силы устами великого комика Аристофана бросали представителям радикальных социальных тече-

¹⁾ А. Менгер. «Новое учение о государстве». Изд. «Голос», СПб., 1905, 151. И его же. «Гражданское право и неимущие классы населения». СПб., 1906, 39 сл., 68 сл.

²⁾ Л. Б. «Роман моей жизни» т. I, Петроград, 1919, 164.

ний упрек в стремлении к введению общности жен,—так поступает в 1920 г. враг пролетарской революции Каутский, повторяя вслед за русскими белогвардейцами гнусную клевету о «национализации женщин», будто бы введенной ставшими в России у власти рабочими и крестьянами ¹⁾.

Прямо изумительно, как мало изобретательны и оригинальны сикофанты, стоящие на страже священных устоев старины, как их мысль обречена вращаться в заколдованном кругу одних и тех же идеологических форм!

Сказка об «общности жен», как цели стремлений коммунистов, особенно живуча.

V.

Как известно, Платон в его идеальном «государстве» для своего правящего класса—чиновников и воинов—постулирует отрицание семьи.

Пельман в своей «Истории античного коммунизма и социализма» ²⁾ так толкует это требование.

«При существовании индивидуальных правовых отношений и отдельных личных отношений между двумя людьми, создаваемых институтом брака, эгоизму все еще остается широкое поле действия. Противоположность семейных интересов внутри класса охранителей создает возможность разложения и раздоров среди них; рядом с этим возникает опасность нарушения необходимых в общих действиях носителей государственной воли, для единства самой воли государства, единства и согласованности действия.

«Этим в глазах Платона произносится приговор семье,—поскольку это касается класса, служащего государству. Частная собственность и индивидуальное хозяйство заменяются коллективным владением и общим хозяйством; семья—общностью жен и детей. Женщины, лишенные с устранением забот о семье и о доме их особого социально-экономического призвания, уравниваются в воспитании и во всем образе жизни с мужчинами. В принципе они должны «принадлежать всем мужчинам, и ни одна не должна жить отдельно с кем-нибудь одним». Такое положение, впрочем, вовсе не исключает строгого урегулирования отношения полов со стороны государства и *не имеет ничего общего с свободной любовью*. Дети тоже должны быть общими, и ни отец не должен знать сына, ни сын отца».

¹⁾ Как засвидетельствовали прибывшие из-за границы товарищи, эта басня находила веру среди буржуа Америки,—и немало труда пришлось потратить нашим друзьям, чтобы раскрыть лежавшую в основе клеветы фальсификацию документов.

²⁾ СПб. 1910, 127.

Что Платон отнюдь не думал о свободной любви,— явствует из следующего.

«Государство требует отказа от брака, т.-е. от свободного и длительного союза, и подчиняет брак искусственным установлениям, при посредстве которых общественная власть соединяет отдельные лица в каждом отдельном случае. При этом беспощадно, согласно принципам индивидуального производительного подбора, наиболее способным индивидуумам отдается предпочтение перед менее способными. Принцип требует, чтобы «лучшие как можно чаще соединялись с лучшими и, наоборот, худшие только с худшими». Наиболее даровитые должны производить возможно многочисленное потомство, а потому всем тем, кто отличился в военной и гражданской деятельности, разрешается, в виде награды, «более частое сожитие с женщиной» ¹⁾.

В своей комедии «Женщины в народном собрании» (*Ecclesiazousai*) великий комик древности, афинянин Аристофан сделал предметом сатиры носившиеся тогда в воздухе идеи коммунизма.

«Пьеса начинается с водворения господства женщин, но о нем очень мало говорится в ее дальнейшем ходе. «Благодаря хитрости женщин, смело и тонко обдумавших свою затею во мраке ночи», в народном собрании проходит постановление, «передающее город и народ во власть женщин» и устанавливающее общность женщин и имущества» ²⁾.

«В соблазнительных картинах, в которых президентша развешивает перед своим супругом, типичным афинским мелким буржуа, прелести нового общественного строя, проектируется огосударствление всех средств производства и потребления, дабы «все стало общим, всякий пользовался всем и жил на счет общественного достояния».

Но «коммунизм», карикатурное изображение которого дает Аристофан, носит ясно выраженный рабовладельческий отпечаток.

«Несмотря на радикальный разрыв с существующим порядком в других отношениях, гражданин государства будущего охотно удерживает и в обновленном общественном строе рабов, на которых можно свалить ненавистную работу».

«В этом отношении, гражданин будущего государства, как ни велико его стремление к прогрессу, оказывается таким же консерватором и индивидуалистом, как и закоренелый плутократ.

¹⁾ Ор. с., 132.

²⁾ «Полагали, что Аристофан в своей комедии «Женщины в народном собрании» имел в виду осмеять коммунистический идеал Платона в его «Государстве». Но в настоящее время можно считать доказанною ошибочность такого мнения: Платоновое «Государство» появилось позже Аристофановой комедии». Проф. В. Б у з е с к у л. «Исторические этюды», 53.

«Поле, — говорит Праксагора свободному афинскому гражданину, — *обрабатывают рабы!* Тебе остается лишь одно занятие: когда тень циферблата покажет десять футов, разубравшись шествовать на пиршество».

На ряду с общностью благ устанавливается общность женщин.

«В ответ на возражение, что ведь после отмены частной собственности уже не будет денег для уплаты женщинам легкого поведения, Праксагора победоносно заявляет:

Но можно будет лежать с ними даром.

Я предлагаю сделать общими и всех женщин,

Так что они станут производить детей со всяким, кто пожелает.

«К участию во всеобщей любовной конкуренции не допускается лишь рабыня».

По мнению героинь Аристофана, «осуществление коммунизма несомненно повлечет за собою ничем невозмутимую гармонию и полное согласие. С самоуверенным оптимизмом Праксагора утверждает: «у нас невозможны зависть и недоброжелательство, раздоры и вражда, злые помыслы и дурные воступки».

Опасение Блепира, мужа Праксагоры, «относительно того, не утаят ли чего-либо милые сограждане при сдаче своего имущества в государственную казну, не смущает Праксагору. Она утверждает, что теперь, «когда все обладают всем», утаивающий не извлечет никакой выгоды от своего обмана.

Зачем ему золото, раз нужда никого не побуждает что-либо делать ради денег» ¹⁾.

«Сюжет «Ecclesiazousai» напоминает «Лисистрату», вышедшую за 20 лет до того. Опять речь идет о спасении общества мудростью женщин, опять они захватывают верховную власть, опять женщине выпадает возвышенная роль прочитать социальную проповедь мужчинам. Только содержание речей иное: героиня пьесы, Праксагора («проповедница дела»), развивает коммунистическую теорию».

«Прочь порядок, в котором один богат, другой нищий, один владеет обширными имениями, а у другого нет места даже для могилы, у одного целая армия рабов, а у другого нет ни одной служащей души».

Тут выпирает наружу мелко-буржуазный характер этого рабовладельческого коммунизма—рабы должны работать на всех свободных.

«Прежде всего я обращу в общее достояние поля, а затем деньги и остальные виды владения»—продолжает Праксагора.

¹⁾ Р. Пельман. «История античного коммунизма и социализма», 296 и сл.

«Праксагора учит дальше, что общность имущества приведет к уничтожению семьи, к общности жен. «Но как же тогда узнавать детей своих»? спрашивает обыватель. «Это и не нужно, — отвечает пропагандистка. — Все люди старшего поколения будут считаться отцами поколения младшего». Она предполагает, что в обществе будущего между людьми одного возраста будет больше солидарности, чем теперь, когда они разъединены индивидуальными интересами своих узких семейных кружков» ¹⁾.

Пьеса Аристофана свидетельствует во всяком случае о широком распространении коммунистических идей среди массы в начале IV века до начала нашей эры, — равно как и о том, что последователями их были свободные граждане.

Особенно симпатизировали новому учению женщины, видевшие в нем рычаг своего освобождения, — недаром они совершают у Аристофана коммунистический переворот.

Так как нам известна роль, которую во все века играло обвинение коммунистов в стремлении к установлению мнимой «общности жен», то и в комедии Аристофана, рыцарского консерватора, противника демократии и просвещения, — мы можем видеть лишь злобную карикатуру на мало понятные для верхов эмансипационные стремления общественных низов ²⁾.

И только слепая ненависть к коммунизму, которой одержим немецкий профессор Пельман, заставляет его в своей «Истории античного коммунизма и социализма» принять, вопреки всем правилам исторической критики, кривое зеркало Аристофана за чистую монету.

В одной из ветвей сократовского учения, в школе циников, также нашли выражение нивеллирующие тенденции низших классов Греции.

«Об общественном строе, к которому стремился наиболее замечательный представитель школы Диоген, мы имеем очень мало данных; они касаются собственности и семьи.

«Естественно, что там, где не было места для семейной жизни, не могло быть и права наследования. Ибо «общность детей» была основной чертой этого проекта, и определенное свидетельство об этом никем не опровергается; кроме того, это требование Диогена согласуется не только с платоновским требованием (правда, касающимся только его правящего класса), но и с положением стоиков. С другой стороны сообщение, что он хотел и общности жен, в виду контекста, в котором оно приведено у Диогена и в котором оно снова

¹⁾ Проф. Р. Винпер. «История Греции в классическую эпоху IX—VI в.в. до Р. Х.», М. 1916, 443.

²⁾ Уже грубое извращение, которому учение Сократа подверглось в аристофановских «Облаках», должно бы побудить филолога к критическому отношению к «Ecclesiazousai» афинского комика.

встречается у основателей Стои, нужно понимать, в смысле «свободной любви», или в смысле циников лучше обозначать как общение полов, лишенное любви и свободное от государственного контроля»¹⁾.

«Но и брак есть дело простой условности. Диоген провозглашает поэтому «свободную любовь»: «Женщины должны быть общими; брак есть ничто, мужчина, который может воспользоваться женщиной, должен вступать в общение с той, которая согласна на это»²⁾.

Охранители порядка обвиняли в стремлении ввести «общность жен» и представителей еретического коммунизма европейского средневековья.

«Большое влияние приобрели братья и сестры свободного духа, появившиеся в XII веке».

Основатель секты Амальрих Бенский, бывший около 1200 г. магистром теологии в Париже, «обвиненный в лжеучениях», был вызван в 1204 г. в Рим папою Иннокентием III, принудившим его отказаться от своего учения. Предполагалось, что таким образом и самое учение можно сделать безвредным».

«Амальриканы представляют самую смелую и радикальную секту того времени. Они требовали не только коммунизма имущества, но и *общности жен*; они осуждали всякое неравенство, а, следовательно, всякую власть».

«Если отнять у этого пантеистического учения его мистическую оболочку, то оно является чем-то вроде коммунистического анархизма, учения, которое должно было очень сильно привлекать измученных и угнетенных пролетариев»³⁾.

В XV веке в Чехии, в эпоху господства таборитов, крайние коммунисты требовали введения полного коммунизма, коммунизма на средства потребления, и как средство для этого—уничтожение семьи. По словам историка движения Каутского, последнее возможно в двух формах: целибат (безбрачие) или уничтожение прочного моногамного брака, так называемая общность женщин. Строгие коммунисты из числа таборитов избрали последнюю форму, так как уже их решительная вражда к католической церкви и монахам приводила к отрицанию целибата».

«Мы встретились с ним уже у первоначального христианства; общность женщин, равно как и безбрачие монахов и монахинь, представляет не «заблуждение» ума человеческого, а необходимое следствие определенных данных общественных отношений».

¹⁾ Теодор Гомперц. «Греческие мыслители», т. II, СПб. 1913, 121.

²⁾ Генрих Гомперц. «Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы». СПб. 1912, 120.

³⁾ Карл Каутский. «Предшественники новейшего социализма». Часть I-ая. От Платона до анабаптистов, М. 1920. 264.

«Стремления еретиков, строгих коммунистов, нашли наиболее ясное и решительное выражение в секте «братьев и сестер свободного духа».

Гусситскую разновидность братьев и сестер свободного духа называли николаитами или «адамитами».

«Они жили в общности жен (*Connubia eis promiscua fuerunt*); но однако запрещалось познать жену без разрешения их старшины Адама. Но если один из них охватывался желанием к другой, тогда он брал ее за руку и шел к старшине, которому он говорил: «К ней моя душа запала любовью».

«Такое отрицание брака резко противоречило нравственным воззрениям XV века; потребности способа производства и общества того времени властно предписывали моногамный брак и семью, это перешедшее от древности и глубоко укоренившееся в народном сознании учреждение»¹⁾.

Масса таборитов восстала против адамитов,—последние были истреблены знаменитым военачальником таборитов, *Жижской*.

С обвинениями коммунистов в многоженстве мы встречаемся и в истории Мюнстерского движения анабаптистов (1532—1534), столь оклеветанного буржуазными историками.

Карл Каутский («Предшественники новейшего социализма». Том II), потратил немало остроумия, чтобы распутать клубок клеветнических свидетельств, исходящих от классовых врагов движения.

«Нигде непривычное не производит такого отталкивающего впечатления, как именно в половой сфере, замечает Каутский. В этом несомненно лежит главная причина того факта, что научное, беспристрастное исследование половых отношений в первобытные времена, дикарей и варваров, стало возможным всего одно поколение тому назад»²⁾.

«Однако, в Мюнстере не было и следа общности жен.

«Эдикт, которым правившие городом 12 старейшин начали свою правительственную деятельность, угрожает смертной казнью за прелюбодеяние или обольщение девушки. Иоганн Лейденский назначил в 28 законах наказание за прелюбодеяние и распутство».

Однако, многоженство действительно существовало.

«Традиционное объяснение, которое ссылается на природную развращенность и необузданность коммунистов, конечно, очень удобно и утешительно для буржуазной души: оно имеет тот небольшой недостаток, что лишено всякого основания».

Наоборот, «именно трезвость и рассудительность являются

¹⁾ Карл Каутский. «Предшественники новейшего социализма». Т. I, М. 1920, 331—2.

²⁾ Опр. с., 260.

наиболее выдающимися характерными чертами перекрещенцев».

«Не остается ничего другого, как искать объяснения многоженства в том особенном количественном соотношении полов, которое установилось в Мюнстере во время осады».

Каутский приходит к выводу, что число взрослых женщин все же превышало вдвое или втрое количество мужчин.

И поэтому «как раз строгость анабаптистов, преследовавшая тяжелыми наказаниями внебрачные сношения, и сделала, в конце-концов, неустранимым коренной переворот в форме брака».

Нужно помнить, что в Мюнстере не было уничтожено отдельное домохозяйство.

«Женщины, оставшиеся без мужчины—главы семьи, получили теперь приказание присоединиться к какому-либо домохозяйству, имеющему руководителя мужчину, присоединиться не в качестве рабынь или служанок, но в качестве подруг жены».

«Искать себе мужа должны были все женщины не только в возрасте половой зрелости, но также несовершеннолетние и старухи».

«Это постановление не было, конечно, обосновано указанием на те фактические отношения, которыми оно в действительности было вызвано; так материалистически в то время не аргументировали; необходимо было обосновать его библейскими прецедентами. Но там удалось найти только одно, хоть сколько-нибудь подходящее к данному случаю, а именно многоженство древних иудеев, именно патриархов».

«То, что делали эти прообразы христианства, не могло быть греховным».

«Эту аргументацию могли обосновать ссылками на выдающиеся светила евангелической церкви. Меланхтон еще 27 августа 1531 года советовал английскому королю взять себе вторую жену, утверждая, что «полигамия не запрещена божественным правом».

«Итак, не полигамия сама по себе возбуждала негодование тогдашних благочестивых мужей, но та наглость, с которою перекрещенцы сделали полигамию из привилегии князей общим достоянием».

«То многоженство, которое было в течение некоторого времени предписано законом, являлось многоженством экономическим, соединением нескольких женщин в одном хозяйстве, под защитой и надзором одного мужчины. Только к последнему обязывал закон мюнстерских женщин».

Так Каутский после тщательного анализа источников, приходит к неоспоримому выводу, что «картина половой разнузданности перекрещенцев, нарисованная буржуазными историками, есть в сущности картина современности. Это

точный отпечаток того, что ежедневно разыгрывается в каждом крупном центре современной цивилизации, и последнее слово нашей мудрости в этом обществе гласит: регулирование этих «сатурналий» ¹⁾.

Томас Мор в своей «Утопии» (начало XVI века) является сторонником строгой моногамии (достойно внимания, между прочим, что вопрос о браке у него разбирается в главе «о рабах»!).

«Лица обоего пола, обличенные в прелюбодеянии, подвергаются тяжелому наказанию: брак запрещается им навсегда, разве только сам князь простит им вину», говорит посетивший «Утопию» Рафаил Гитлодей.

«В Утопии думают, что супружеская любовь двух лиц, которые должны всю жизнь прожить вместе и претерпевать при таком сожителстве тысячи неприятностей, очень скоро охладела бы, если бы преступная любовь одного из них была бы терпима и оставалась безнаказанною».

«Развод допускается редко» ибо «утописты знают, что при надежде вновь жениться брак не может быть достаточно прочен».

Биограф Мора Каутский вскрывает связь между взглядами Т. Мора и господствовавшим в его время в Англии способом производства. «От хлопот по хозяйству избавилась прежде всего жена крупного купца и стала, благодаря этому, способна к умственной и общественной деятельности. Мор и теоретически и практически защищал самым решительным образом идею женской эмансипации. Однако, обуславливая эту идею коммунистическим принципом равного для всех обязательного труда, Мор придает ей совершенно иной характер, чем другие эмансипаторы времен гуманизма; эмансипация женщины буржуазного круга, покоившаяся на эксплуатации, приняла у Мора характер эмансипации всех женщин, которые должны участвовать в определенной работе по отдельным специальностям каждой из них» ²⁾.

Так как Мор сохранил в своей утопической общине отдельное хозяйство, патриархальную семью,—он оставил в силе подчинение женщины мужчине и сохранил все формы половых отношений, свойственные патриархальной семье; он требовал от девицы целомудрия до брака, строго-настрого запретил нарушение супружеской верности или требование развода женою.

«В вопросах о семейном быте мы встречаем у Мора, наряду с принципами вполне соответствующими современному социализму, такие, от которых веет давно минувшей стариной и отсталыми способами производства. Очень современными являются его требования общих трапез, участия женщин в общественной жизни, конечно, в ее тогдашних

¹⁾ Ор. с., II, 275.

²⁾ Ор. с., 279.

формах, в военном деле и в священнослужении, в выборе должностных лиц и в праве заниматься наукою.

«Несоответствие с тенденциями современного социализма и даже социализма самого Мора проявляется в подчиненном положении женщины и в сохранении отдельного хозяйства» ¹⁾).

Утопист XVII века доминиканский монах Томас Кампанелла, в своем «Государство Солнца» говорит о трех помощниках «метафизика» — первосвященника солнечного града, — «могущество» — ведает делами мира и войны, — «мудрости» подчинены свободные искусства, строительное дело и науки, — и наконец, «любви» вменена забота о продолжении рода, т. - е. он должен заботиться о том, чтобы мужчины и женщины сочетались между собою таким образом, чтобы от них получилось возможно лучшее потомство. Граждане государства Солнца насмеяются над нами за то, что мы прилагаем большие усилия для усовершенствования породы собак и лошадей, а о собственном нашем роде, человеческом, забываем».

У жителей солнечного града «существует и общность жен».

«Они говорят, что идея собственности у нас возникла и продолжает поддерживаться потому, что у нас есть собственные индивидуальные жилища и собственные жены и дети». Это ведет к эгоизму.

В солнечном граде отношения между полами подвергаются тщательному регулированию со стороны поставленных на то властей ²⁾).

В каждом отдельном случае испрашивается «разрешение высшего чиновника (*Magistrato primo*), заведующего делом деторождения — высшего врача, подчиненного, со своей стороны, триумвиру «Любви».

«При гимнастических упражнениях и играх на палестре, арене для состязаний, мужчины и женщины, по примеру лакедемонян, являются совершенно голыми и наблюдающие за ними чиновники могут узнать, кто способен к деторождению и кто нет и какие мужчины и женщины по строению своего тела наилучше подходят друг к другу».

Врачи и астрологи определяют час соединения. Обитатели солнечного града полагают, что «потомство должно составлять предмет попечения государства, а не личности, не частного лица, поскольку, конечно, оно не является, вместе с тем, и членом общества-государства».

За эти вещи должно взяться уже все общество, а не отдельная личность.

«Потому родители сочетаются друг с другом на основании философских принципов».

¹⁾ Ор. с., 283.

²⁾ См. русский перевод Геккеля СПб. 1907, 26.

«У них не может случиться, чтобы некрасивые женщины доставались некрасивым мужчинам, по той простой причине, что у них вообще нет некрасивых»

Общность жен «производится не по образу диких зверей, так чтобы каждый мог овладевать первой встретившейся ему женщиною, а, как говорится, по закону отбора».

Согласно Кампанелле, предоставляя воспитание и содержание детей обществу, жители «солнечного града» препятствуют образованию отдельных семей. Они это делают для сохранения общности имуществ, «ибо частная собственность возникает и развивается лишь благодаря тому, что каждый из нас имеет собственный дом, жену и детей».

Общность имущества и жен в глазах Кампанеллы—лучшее средство против эгоизма.

Но, как и у Платона, у Кампанеллы общность жен отнюдь не равносильна свободной любви,—наоборот, отношения между полами являются объектом регламентации со стороны власти.

Заветы Платона и Кампанеллы пыталась осуществить на практике одна из коммунистических сект в Америке,—перфекционисты Онейды и Валлингфорда, которые соединились в 1848 году.

«Они полагают, что Христос учил общности не только благ, но и лиц. Никто не имеет права сожительствовать с другим лицом против его воли; но «исключительную идолопоклонническую привязанность» двух лиц друг к другу перфекционисты считают доказательством греховного эгоизма; а где таковой начинает обнаруживаться, его надо задуть «критикою» и другими мероприятиями. Как в государстве Платона, у перфекционистов зачатие детей регулируется обществом и должно совершаться на «научных основаниях».

«Замечательно, что в экономическом и интеллектуальном отношениях перфекционисты стоят много выше других примитивно-коммунистических сект Америки. Это — единственная из таких сект, у которой правильно поставлено ведение книг, и которая обнаруживает интерес к искусствам и литературе».

Когда, уступая требованиям буржуазной «цивилизации», перфекционисты решили приспособить свою систему брака к требованиям общественного мнения, их коммунистическая община распалась, — место общего брака заняли многочисленные моногамные браки,—ушла почва из-под общего домохозяйства ¹⁾.

Экономические факторы всегда оказывались сильнее традиционной морали.

В XVII ст. Германия была разорена 30-летней войной,

¹⁾ Карл Каутский. «Предшественники новейшего социализма». Т. I. М., 1920, 175—6.

истребившей значительную часть ее народонаселения, «поэтому не существовало здесь более важной проблемы, как необходимость интенсивного увеличения народонаселения».

Под гнетом необходимости тогда подвергались пересмотру даже законы единобрачия.

«Лучше всего доказывается это указом, изданным франковским окружным съездом в Нюрнберге, 14 февраля 1650 г.: указом им разрешалось «в продолжение следующих десяти лет каждому мужчине иметь двух жен».

Так временно упразднялась традиционная основа брака,—моногамия—и санкционировалась полигамия.

Великие утописты начала XIX века в своей критике капитализма не могут пройти мимо и буржуазного брака.

Шарль Фурье, великий французский социалист начала XIX века, подверг уничтожающей критике всю буржуазную «цивилизацию», не оставил он камня на камне и в буржуазной семье, лицемерие и лживость которой он раскрыл с блестящим талантом.

«Цивилизация, говорит Фурье, предписывает любви одни лишь невыполнимые законы, которые однако всегда обеспечивают безнаказанность лицемерию».

«Нигде нет большего лицемерия и обмана, как в нашей брачной жизни и любовных отношениях,—более резкого противоречия, чем противоречие между требованиями природы предписаниями морали».

В противоположность лицемерию и лжи буржуазной эпохи Фурье рисует картину «Свобода любви» в «гармоническом строе», как он называет реализацию своей утопии.

«В эпоху цивилизации, говорит Фурье, система любовных отношений есть система всеобщего принуждения и потому всеобщей лжи».

Он не устает превозносить преимущества свободы.

«Пусть бы предоставили любовь ее естественным влечениям и позволили ей самой определять свои границы. Оказалось бы, что мужчина вскоре имел бы дело с таким же количеством женщин, как мудрый Соломон, а женщина, с своей стороны, тоже не упустила бы своего в выборе мужчин...

«В грядущей эпохе эта свобода выбора в любви будет считаться вполне естественной, и старики будут иметь сотни прямых и побочных потомков, приемных детей и наследников» ¹⁾.

«Из среды юношества должны быть выделены две корпорации...

Эти две корпорации следующие: весталат, состоящий на две трети из весталок и на одну треть из весталов, и—демуазелат, состоящий на две трети из демуазов и на одну треть—из демуазалей. Корпорация весталат до восемнадцатж—

¹⁾ Бебель. «Шарль Фурье и его учение». СПб. 1906, 122—138.

девятнадцати лет обрекает себя на безбрачие, корпорация demuazelat предается ранней любви. Выбор для всех совершенно свободный. Каждый может по желанию вступить в ту или другую корпорацию или выйти из нее, но, принадлежа к одной из них, он должен блюсти ее обычаи и правила: целомудрие—в весталате, верность—в demuazelate. Молодые люди обыкновенно обнаруживают мало склонности следовать примеру целомудренного Иосифа; они соответственно этому составляют меньшинство весталата. Вообще на весталат решаются сильные характеры, в то время как мягкие характеры попадают в demuazelat. Напротив того, юные девушки, только что вышедшие из хора гимназисток, обыкновенно некоторое время проводят в весталате»...

Фурье предвидит, что его «читателя», спутанного предрассудками «цивилизации», «шокирует идея свободной любви»,—но он обещает доказать, «что режим цивилизации породил все то зло, которого с опасением ждут от свободы любви, и что эта свобода, в применении к фаланге с ее сериями потребностей, предотвращает все те неустройства, которые она вызывает в строе цивилизации».

Но Фурье считает, что нарисованная им картина не может быть немедленно перенесена в жизнь.

«В дальнейшем изложении своей теории он заявляет, что должны смениться несколько поколений в системе фаланстер, прежде чем будут достигнуты нужные условия для осуществления изложенных им принципов свободной любви.

«Половые отношения, создаваемые цивилизацией, по словам Фурье, отвлекают молодежь от труда и учения, порождают наглость и легкомыслие и вызывают безрассудные издержки. Напротив того, в строе гармонии любовь будет побудительным средством к культурности и научным занятиям и будет удваивать усердие».

Фурье зло издевается над «цивилизованными» поклонниками свободы.

«Смущенные порочными нравами, явившимися следствием их политики, они даже не хотят задуматься над правами свободной любви. Эти невежи и обманщики не понимают, каково должно быть назначение свободы; они требуют неограниченной свободы для торговли, являющейся сплошным преступлением и надувательством, и они отрицают свободу в любви, расцвет которой привел бы ко всем добродетелям, всем чудесам в социальной политике» ¹⁾.

Знаменитый английский утопист Роберт Оуэн любил повторять, что «человек был рабом трех зол: частной собственности, брака и религии».

«Взгляды Оуэна на брак развиты в беседах, которые он вел в 1835 году «о браках, освященных жрецами старого

¹⁾ Шарль Фурье. Избранные сочинения. Москва, 1918, 48.

безнравственного мира», беседах, которые сопровождались изложением «системы брака в новом нравственном мире». Оуэн начинает таким заявлением: «теперь я объявляю вам, а в вашем лице—всем народам мира, что современные браки, подготовленные и заключенные при безнравственном строе, являются единственной причиной проституции, всех бесчисленных зол, какие от нее происходят, и большей части самых позорных преступлений, какие только знает человеческое общество».

Обращаясь к «отцам, матерям, братьям, сестрам, мужьям, женам и детям, Оуэн говорил: «вы совершаете преступление против вечных законов вашей природы, когда говорите, что будете «любить и обожать» того, кого ваша организация может вас заставить ненавидеть и презирать через несколько часов...»

«Брак противен личному счастью, так как он основан не на естественных склонностях и взаимных симпатиях, а на семейных и имущественных расчетах. Брак имеет исключительно экономические цели. Брак противоречит интересам общества и интересам детей: интересам общества,—так как порождает раздоры и распри противоположных честолюбий индивидуалистических семей; интересы детей,—так как родители, большею частью, самые плохие воспитатели, вследствие излишка невежественной, эгоистической, чисто животной привязанности, которую они питают к детям. Семья развивает в детских сердцах чувство эгоизма. Изолированная семейная среда препятствует образованию таких характеров, какие можно пожелать детям; браки представляют обществу, являющемуся главным орудием образования всякого личного характера, самый худший материал для выработки».

Мы видим, что всюду Оуэн имеет в виду буржуазный брак.

«Целомудрие природы или истинное целомудрие, то целомудрие, которое одно только и добродетельно, существует в отношениях между полами, когда между ними возникла чистая и добровольная симпатия или искренняя привязанность; когда физические и интеллектуальные качества одного вполне подходят к качествам другого; когда в действительности их натуры так счастливо взаимно дополняются, что образуют гармоничное целое; когда, соединившись душой и телом, они становятся одним существом, чувства и интересы которого одни и те же; когда они таким образом стали способны жить взаимными симпатиями и привязанностями столько времени, сколько природа судила им оставаться соединенными».

«Искусственным бракам Старого Безнравственного Мира Оуэн противопоставляет естественные союзы Нового Нравственного Мира,—как он называет общество будущего,—союзы,

основанные на обоюдной симпатии, взаимной искренности и привязанности и на познании природы.

Оуэн требует равноправия полов и общего воспитания с целью их сближения. «Вот на этом-то равенстве полов, на нравде и на сознательных влечениях и будут основаны союзы полов в «Новом Нравственном Море»: «Только такое соединение мужчины и женщины не будет преступно, при котором они будут питать действительную привязанность друг к другу; и привязанность эта будет тем сильнее и прочнее, чем лучше и выше те качества, которые привьют каждому из них с детства» ¹⁾.

По сравнению со смелыми полетами роскошной фантазии Фурье кажутся плоскими мещанские представления о браке француза Этьена Кабе, автора утопического романа «Путешествие в Икарию». По словам его немецкого биографа Люкса, брак Кабе — чистейшей воды филистерский брак; обязанность для каждого икарийца вступать в брак не придает последнему никакой особенной идеальной высоты. Он лишь чище современного буржуазного брачного союза, потому что заключается без всякого расчета на приданое и не оскверняется супружеской неверностью, обычаем содержать любовниц. Прежде чем вступать в брак, молодые люди в продолжение шести месяцев хорошенько знакомятся друг с другом, чем в значительной степени предупреждается возможное впоследствии разочарование и необходимость развода. Симпатии, зарождающиеся между неподходящими друг к другу парами, подавляются в самом зародыше путем убеждения;

¹⁾ Эдуард Доллеанс. «Роберт Оуэн». Москва 1906, 113—116.— Однако в своем Новом Нравственном Море Оуэн сохраняет ряд тягостных стеснений для развода, что видно из следующего.

Лица, желающие заключить союз, объявляют об этом намерении публично на воскресном собрании. Если, спустя три месяца, они остаются при своем намерении, то делают вторичное заявление, которое регистрируется обществом. Браки основываются исключительно для счастья полов, и если это не достигнуто, то смысл союза исчезает. Если стороны через год или раньше откроют, что их расположение и привычки не гармонируют и что для них нет ни малейшей надежды на счастье в этом союзе,—то они должны объявить об этом публично. После этого супруги возвращаются к себе и живут еще вместе полгода; если они снова находят, что они не подходят друг к другу, и если оба они сходятся в этом мнении, они делают вторичное заявление. Два заявления, зарегистрированные и подписанные свидетелями, утверждают законный развод. Когда только одна сторона хочет развода, другая же против него, то их просят пожить вместе еще 6 месяцев, чтобы убедиться, что их чувства и привычки не могут быть так согласованы, чтоб доставить им счастье. Но если к концу второго полугодия лицо, требующее развода, будет настаивать на своем,—то их окончательно разведут. Разведенные лица могут, не рискуя лишиться уважения, заключить новые союзы, более подходящие к их характерам.

О взглядах ученика Сен-Симона—Анфантена, допускавшего возможность нескольких связей за раз, см. L. Abensour, op. c., 55—57.

Даже сенсимонисты ставили в вину Анфантену стремление к общности женщин,—но он всегда резко защищался от этого упрека. Ib.

другими словами, дети должны подчиняться родителям или решению большинства. Кабэ старается нас уверить, и весьма многоречиво, что при таких условиях несчастные браки немыслимы. «Похищение и обольщение стали невозможны: что может мужчина предложить женщине, раз исчезли ценности деньги, наследство, частная собственность? Что заставит ее бежать за ним?» спрашивает Кабэ. Если бы в своей жизни он хоть раз испытал чувство любви, он не стал бы так наивно отделяться от этого фундаментального вопроса. Брак Кабэ напоминает скорее разведение кроликов. Постоянная специальная комиссия занята исключительно разрешением вопроса: «Как достигнуть совершенства человеческого рода» ¹⁾.

В основанной последователями Кабэ в Северной Америке в штате Нью-Орлеан общине «Икария» строгие запреты учителя не раз нарушались.

«Чистая моногамия это—установление, требуемое самой природой, и потому его можно назвать также божественным», говорится в изданной по этому поводу брошюре Кабэ. «Кто нарушает брак,—так гласила, правда, не конституция Икарии, а постановление верховного народного собрания, в котором, конечно, никто не осмеливался противоречить Кабэ,—тот недостойн участвовать в коммуне».

Виновные в нарушении «требуемого самой природой установления» подвергались исключению из коммуны.

В этих «случаях исключение мотивировалось, главным образом, тем, что виновные внесли беспорядок и беспокойство в коммуну и скомпрометировали ее честь» ²⁾.

Наш великий социалист Н. Г. Чернышевский, в «снах Веры Павловны» в его романе «Что делать?» влагает в уста «царицы», воплощающей светлое общество *kaloï k'agathoi* (прекрасных и добрых) будущего, следующие слова:

«До меня не знали полного наслаждения чувства, потому что без свободного влечения обоих любящих ни один из них не имеет светлого упоения. До меня не знали полного наслаждения созерцанием красоты, потому что если красота открывается не по свободному влечению, нет светлого упоения ее созерцанием».

«Царица» рисует «вечер будничный, обыкновенный вечер» грядущего поколения,—«они каждый день так веселятся и танцуют».

«Нет, теперь еще не знают, что такое настоящее веселье, потому что нет такой жизни, какая нужна для него, и нет таких людей. Только такие люди могут вполне веселиться и знать весь восторг наслаждения! Как они цветут здоровьем и силой, как стройны и грациозны они, как энергичны и

¹⁾ Г. Люкс. «Этьен Кабэ и Икарийский коммунизм». СПб., 1906, 154.

²⁾ Люкс., Ор. с., 253-4.

выразительны их черты! Все они—счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения,—счастливы, счастливы!

«Шумно веселится в громадном зале половина их, а где же другая половина? «Где другие? говорит светлая царица:—они везде; многие в театре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями, как нравится кому; иные рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке; иные в аллеях сада, иные в своих комнатах, или чтобы отдохнуть наедине, или со своими детьми, но больше, больше всего—это моя тайна. Ты видела, в зале, как горят щеки, как блистают глаза, ты видела они уходили, они приходили; они уходили—это я увлекла их, здесь комната каждого и каждой—мой приют, в них мои тайны ненарушимы, занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук, там тишина, там тайна; они возвращались—это я возвращала их из царства моих тайн на легкое веселье. Здесь царствую я.

«Я царствую здесь. Здесь все для меня! Труд—заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье—приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я—цель жизни, здесь я—вся жизнь» ¹⁾.

Здесь несомненны следы построений Фурье, имевшего, как известно, решающее влияние на миросозерцание «великого русского ученого и критика» ²⁾.

Английский художник Вильям Моррис в его утопии «Вести ниоткуда», пользуясь традиционным мотивом подобного рода романов—пробуждением гражданина XIX столетия в обществе будущего, живописует его удивление всему, что он видит и слышит.

Поражают выходца из другого мира и новые отношения между полами.

На свой вопрос, часто ли происходят бракоразводные процессы, он слышит в ответ.—«Ничего подобного у нас не бывает. Правда, я слышал, что прежде происходили такие бессмысленные дела, как разводы; но там почти всегда дело велось из-за имущества. А мне кажется, милый гость, что вы хоть и свалились с луны,—засмеялся он,—но, даже при самом поверхностном знакомстве с нашей страной, могли бы видеть, что споры из-за имущества у нас немыслимы.

— Вы понимаете, конечно, что если споры из-за имущества устранены, то суду здесь делать нечего. Ведь было бы уже слишком большой нелепостью заключать и подписывать

¹⁾ Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, т. IX, изд. Лит.-Изд. Отд. Ком. Нар. Просв., Петербург, 1918, 257, 264.

²⁾ Г. В. Плеханов отмечает воздействие в этом вопросе на Чернышевского также Р. Оуэна и Жорж-Занд: «в романе «Что делать? почти целиком воспроизводятся подчас мысли и рассуждения свободолюбивого и самоотверженного героя Жорж-Занд»—Жака». Н. Г. Чернышевский, СПб., 1910, 72.

договоры относительно любви и супружеских чувств. Говорят, что это устраивалось, чтобы придать брачным контрактам больше верности и значения. Но какой смысл могло бы иметь все это у нас?»

Пришелец слышит от одного из людей будущего.

«Мы одинаково мало страдаем мнительностью как по отношению к телу, так и к болезням духа—сердечными страданиями,—ведь существуют же и другие наслаждения, кроме любви. Далее заметьте, что, благодаря нашей долговечности, наша красивая внешность как у мужчин, так и у женщин сохраняется дольше, чем тогда, когда мы сами создавали себе страдания.

«Нам понятны и безумные увлечения и безрассудная страсть, охватывающие людей различных возрастов, но сентиментальности у нас, к великому счастью, вы не найдете.

«Если человек по характеру непостоянен, мы не заставляем его провозглашать непоколебимость любви, ибо теперь нет этой дикой торговли телом. Вы не очень, кажется мне, поразились, услышав, что у нас нет брачных контрактов; может быть, вас более удивит, если я скажу вам, что у нас не существует и общественного мнения, еще более жестокого и нелепого, чем суд. Правда, и у нас относятся с осуждением к нехорошему поведению соседа, но у нас нет этих неписаных законов, ради которых вам приходится ломать свою жизнь и изменять убеждения, нет этого тайного страха друг перед другом, смешанного с лицемерием».

«Мужчины и женщины не господствуют друг над другом, как прежде. *И те и другие делают то, что им угодно*, и никто не чувствует себя от этого плохо. Об этом даже говорить неловко—до того это в порядке вещей».

Забота о детях отпадает.

«Заметьте, что теперь участь матерей значительно облегчена—им нечего беспокоиться о будущей судьбе своих детей, так как они знают, что они будут пользоваться жизнью, всесторонне развивая свои способности».

Новая жизнь изменяет даже внешность граждан будущего.

— «Неужели мы еще цивилизованы?»—сказал он.—Впрочем, наружность нашего населения не всегда была так красива. Но мы улучшили ее. У одного моего соседа есть большая коллекция перепечаток с фотографий девятнадцатого века; действительно, по сравнению с лицами того времени, красота нашего народа ярко выделяется. Я думаю, как и многие, что красота эта есть не только результат свободы и спокойствия, среди которых мы живем; несомненно, что любовь свободная и естественная дает плоды лучшие, особенно в смысле наружности, чем солидный брак на коммерческом основании или союз утопавших в грязи и нищете рабов того времени».

Свободные, гармонические, истинно человеческие отношения между полами повели и к исчезновению ревности,— этого «идеализированного чувства собственника», как ее назвал Лафарг.

У нас нет, говорит один из представителей нового общества, того «извращения и искажения полового чувства, что вызывало такое недостойное человека чувство, как ревность. Вглядимся в эту вторую причину уголовных преступлений. Разве не станет нам ясно, что и тут виною чувство собственности, созданное законом и говорившее: эта женщина *моя*,— мужа, отца или брата. В наше время это понятие исчезло, как и такие нелепые понятия, как «падение» женщины, так как мы считаем, что она подчиняется желаниям вполне естественным».

Анатоль Франс в своем романе «На белом камне» рисует 2270 год христианской эры.

Один из граждан «федерации народов» разъясняет выходцу из старого мира: «переход имущества путем наследства был вполне понятен, когда существовала семья. Но теперь»...

«Товарищ Шерон» берется разъяснить пришельцу свое недоумение.

«Правда, мы знаем, что брак сохранился у кафров,— сказала она.— Но у нас, европейцев, *не существует никаких обязательств*; а если мы и даем такие обязательства, то закон не берет их под свою защиту. Мы думаем, что вся судьба человеческого существа не может зависеть от одного слова.

«На самом же деле ни женщина, ни мужчина не принимают никаких обязательств. Нередко их союз остается на всю жизнь. Но ни тот, ни другой не захотели бы быть предметом верности, охраняемой клятвой, а не физическим и нравственным удобством. Мы никому ничем не обязаны. В прежние времена мужчина уверял женщину, что она ему принадлежит. Мы не так просты и полагаем, что человеческое существо принадлежит только самому себе. Мы отдаемся только, когда хотим и кому хотим. Кроме того, мы не лицемерим и не стыдимся уступать желанию».

И возвращаясь еще раз к той же теме, Шерон говорит:

«*Коллективистское общество совершенно не касается взаимного отношения полов*. Отношения эти остаются тем, что они есть: чаще всего только терпимыми, гораздо реже прекрасными, а иногда и страшными. Но не думай, товарищ, что любовь теперь никого не волнует».

Своеобразно подошел к вопросу тов. А. Богданов, резко поставив проблему о полигамии. Герой его романа «Красная Звезда», профессиональный революционер, говорит о своем расхождении во взглядах с женщиной, которую он любил, на их собственные отношения. Последняя считала, что любовь обязывает к верности.

«Я на деле вовсе не собирался вступать в новые связи, говорит герой романа, но не мог и признать обязательства верности, именно как обязательства. Я даже полагал, что многобрачие принципиально выше единобрачия, так как оно способно дать людям и большее богатство личной жизни и большее разнообразие сочетаний в сфере наследственности. На мой взгляд, только противоречия буржуазного строя делают в наше время многобрачие частью просто неосуществимым, частью привилегией эксплуататоров и паразитов, все грязнящих своей разлагающейся психологией; будущее и здесь должно принести глубокое преобразование».

Когда герой попадает на планету Марс, на «Красную Звезду», где уже воцарился коммунизм, он на практике столкнулся с вопросом, к которому подходил прежде только с теоретической стороны.

«Нэтти (марсианка, ставшая женой героя) была свободным человеком и вела себя как свободный человек. Летта был ее мужем? Я всегда уважал его и чувствовал бы к нему горячую симпатию, даже если бы он не пожертвовал за меня своею жизнью. Нэтти была женою двух своих товарищей одновременно? Но я всегда считал, что единобрачие в нашей среде вытекает только из наших экономических условий, ограничивающих и опутывающих человека на каждом шагу; здесь же этих условий не было, а были иные, не создающие никаких стеснений для личного чувства и личных связей. Откуда же мое тревожное недоумение и непонятная боль, от которой мне хочется не то вскрикнуть, не то засмеяться? Или я не умею *чувствовать* так, как *думаю*? Кажется, да. А мои отношения с Энно (другой марсианкой, тоже его женой)? Где же моя логика? И что же такое я сам? Какое нелепое состояние?»

Такими живучими оказываются эмоции и предрассудки, несмотря на их теоретическое отрицание.

Но Ленини—как зовут на соседней планете героя—удалось справиться с собой, после письма к нему Нэтти, в котором она писала:

«Я глубоко доверяю своей ясной голове и твоему благородному сердцу; я не сомневаюсь, что как бы ни были чужды и непривычны для тебя некоторые из наших жизненных отношений, ты, в конце-концов, всегда сумеешь верно понять и справедливо оценить их» ¹⁾.

¹⁾ Имея в виду подбор талантов, Ницше (см. *Nachgelassene Werke* Leipzig, 1901 г. т. XII, стр. 188) рекомендует выдающимся в умственном отношении мужчинам и женщинам полигамию, дабы дать им возможность участвовать в акте размножения с большим количеством лиц другого пола: так как позднее рождающиеся дети одной и той же жен-

VI.

И из среды имущих классов и их интеллигенции время от времени раздавались голоса против буржуазной формы семьи и брака.

Немецкий философ Шлейермахер, в то время как он еще принадлежал к кружку ранних немецких романтиков, написал письма о «Люцинде» («Люцинда» — это заглавие романа известного Фридриха Шлегеля, своим якобы безнравственным содержанием возмущившего многих). Там он, между прочим, пишет: «Неужели искусство любить легче, чем простое умение есть и пить. Пойми, что и в любви должны быть «предварительные» опыты, которые не приводят ни к чему прочному, но при которых каждый со своей стороны содействует тому, чтобы чувство получило более определенности и шансы любви стали более значительными и заманчивыми».

«Предоставь себе в данном вопросе самую неограниченную свободу», пишет Шлейермахер.

«Ибо если ты встретила настоящую любовь и чувствуешь, что настал момент, когда ты можешь завершить свое духовное развитие и зажечь прекрасной и полной жизнью, то всякое воздержание и страх перед последним шагом, долженствующим скрепить ваше сближение, покажется тебе простым жеманством» ¹⁾.

Протест против буржуазного брака получил яркое выражение в произведениях знаменитой французской писательницы Жорж-Занд, жизнь которой также была вызовом лицемерию двойной морали.

«В ряде романов Жорж-Занд проводит ту мысль, что действительно безнравственными любовные отношения становятся лишь тогда, когда, несмотря на то, что любовь уже угасла, стараются еще подделаться под не внешними ласками и т. п. Герой ее романа Жак говорит: «Я никогда не напрягал своего воображения для того, чтобы вновь воспламенить или оживить в своей душе чувство, которого в ней уже не было. Я никогда не смотрел на любовь, как на обязанность, а на постоянство, как на обязательную для меня роль. Когда я чувствовал, что любовь в моей душе угасает, я высказывал это прямо, не

щины отличаются меньшей силой и менее выдающимися способностями чем первенцы, то полигамия создает возможность подбора более талантливых и более энергичных людей.

Д-р мед. Иван Блох. «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре», 579.

¹⁾ Брандес. «Литература XIX века в ее главных течениях. Немецкая литература». СПб. 1900, 36—37.

испытывая ни стыда, ни угрызений совести». И еще решительнее выражается Лукреция Флориани: «Из всех любовных связей, которым я предавалась ребячески и слепо, ни одна не казалась мне столь предосудительной, как та, которую я, наперекор своему чувству, старалась продлить долее, чем следовало» ¹⁾.

В другом месте Жак говорит: «Брак, по моему мнению, есть один из самых варварских институтов нашего общества; я не сомневаюсь в том, что институт этот будет уничтожен, если человечество преуспеет на пути к справедливости и разуму. Брак будет заменен более человечным и не менее священным союзом, который даст возможность обеспечить существование детей, не сковывая навсегда свободы супругов. Но мужчины слишком грубы, а женщины слишком низки для того, чтоб истребовать постановление более благородное, чем тот железный закон, который гнетет их: для людей без совести и без доблести нужны тяжелые цепи. Преобразования, о которых мечтают немногие возвышенные умы, не могут быть осуществлены в нашем веке; эти умы забывают, что они на сто лет опередили современников и что прежде, чем изменять законы, нужно изменить человека» ²⁾.

Но протест французской писательницы не имеет под собой прочного базиса, — она апеллирует к разуму и чувству людей, — она ожидает реформы брака от прогресса в понятиях человечества, а не от преобразования общественных отношений и уничтожения классовых различий, ибо она не видит необходимой связи между формами семьи и формами хозяйства, между порабощением женщины в семье и угнетением человека человеком в капиталистическом обществе.

Великий английский поэт-революционер Шелли, преданный остракизму отечественной буржуазией, объявил войну в числе прочих устоев общества — и браку.

«Любовь, говорит он, есть неизбежный результат способности любить. Любовь вянет под гнетом; ее сущность свобода. Она не уживается ни с повиновением, ни с ревностью, ни с страхом. Она всего чище, полнее и безграничнее у тех, которые живут во взаимном доверии, равенстве и чистосердечной преданности...

«Муж и жена должны бы быть связаны лишь до тех пор, пока они любят друг друга; всякий закон, обязывающий их к сожителству хотя бы на одно мгновение после того, как в них угасло это чувство, в сущности есть не что иное, как невыносимая тирания. Разве мы не сочли бы

¹⁾ Брандес. *Ор. с.*, 38.

²⁾ См. А. Шахов. «Очерки литературного движения в первую половину XIX века», 4-е изд. СПб., 1913.

Ср. также Владимир Каренин. «Жорж-Занд, ее жизнь и произведения». 1804—1838. СПб. 1899, 599—602.

нестерпимым стеснением индивидуальной свободы тот закон, который установил бы неразрывность уз дружбы, не взирая на все причуды и непостоянство человеческого ума, на его постоянные заблуждения и способность к усовершенствованию. А ведь оковы любви гораздо тяжелее и невыносимее, чем оковы дружбы, настолько же тяжелее, насколько любовь сильнее и капризнее дружбы, насколько она более зависит от особенностей фантазии и менее способна довольствоваться внешними достоинствами своего предмета...

«Любовь свободна. Давать обещание вечно любить одну женщину не менее безрассудно, чем давать обет вечно держаться одних убеждений... Нынешняя система принуждения в большинстве случаев ведет лишь к тому, что создает лицемеров или явных врагов. Люди чувствительные и добродетельные, имеющие несчастье быть связанными с теми, которых они никоим образом не могут любить, проводят лучшую часть своей жизни в бесплодных усилиях казаться не тем, что они суть на самом деле... Злых же людей уверенность в неразрывности брака сильнее всего вводит в искушение; они без всякого стеснения предаются всем мелким и злобным выходкам домашних тиранов, так как знают, что их жертва никому не может жаловаться... Проституция есть законное дитя брака и всех связанных с ним ошибок. Женщины, всё преступление которых заключается в том, что они уступили требованиям инстинкта, с ожесточением изгоняются из общества... Если женщина последовала влечению никогда не заблуждающейся природы, то общество объявляет ей войну, безжалостную и вечную войну.

«Лицемерные понятия о целомудрии, существующие в современном обществе, являются плодом суеверия; они даже более враждебны требуемой самой природой воздержности, чем грубая чувственность. Они подрывают в корне семейное счастье и осуждают большую половину человеческого рода на бедственную жизнь для того только, чтобы небольшая кучка избранных могла пользоваться монополией на законном основании. Вряд ли можно придумать установление, которое было бы более утонченно-враждебно человеческому счастью, чем брак. Я твердо убежден, что уничтожение брака привело бы к установлению правильных и согласных с природой отношений между полами. Этим я вовсе не хочу сказать, что эти отношения часто будут меняться: напротив того, из отношений родителей к детям можно заключить, что связи этого рода вообще были бы очень продолжительны и отличались бы от прежних большим великодушием и самоотвержением» ¹⁾).

¹⁾ Брандес. Ор. с., 39. Ср. гр. Ф. де-ла Барта. «Литературное движение на Западе в первой трети XIX столетия». М. 1914, 210.

Но и у автора «Беатриче Ченчи» протест против традиционной формы отношений между полами витает в абстракциях идеологии, — во имя индивидуальной свободы протестует Шелли против тирании в браке, — он предъявляет обществу свои требования, своего рода категорические императивы, — не задаваясь вопросом, где лежат корни враждебных человеческому счастью учреждений, каковы предпосылки их преодоления, каковы силы, способные его совершить...

VII.

Наиболее отталкивающим явлением в сфере половой жизни буржуазного мира является несомненно проституция, позорящая его хваленую цивилизацию.

По существу дела, проституция — лишь обратная сторона единобрачия общества. По словам Эдуарда Фукса, со времен возникновения деления на классы «частная собственность присвоила всему товарный характер, свела все вещи к их денежной стоимости. Любовь стала таким же предметом торговли, как платье. Вот почему большинство браков носит характер торговой сделки, а проституция, эта любовь за задельную плату, как циники грубо, но довольно метко называли ее в отличие от брака, этой оплаты гуртом, — неотделима от единобрачия, которое постоянно снова вызывает ее к жизни, сколько бы его апологеты ни осуждали ее, так как она, в конце-концов, всё же представляет тот громоотвод, в котором моногамия нуждается, чтобы хотя некоторым образом обеспечить свою цель, заключающуюся в законных наследниках. Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к вопросу, как ни печально признаться в этом: прелюбодеяние и проституция являются неизбежными социальными явлениями: постоянный любовник жены, мужрогоносец и проститутка — неизменные социальные типы. Другими словами: «таков естественный порядок вещей»¹⁾.

Подобно тому как ход экономической эволюции вызвал к жизни моногамию, как форму брака, наиболее отвечающую интересам класса собственников, — в развитии товарного производства нужно искать корней и проституции.

«От моногамии, основанной на частной собственности, и являющейся чаще объективной обязанностью, чем субъективной склонностью, так как в большинстве случаев посредником является та или другая условность, неотделима проституция. Она неизбежный коррелят единобрачия. Проститутка такой же постоянный социальный тип, как и любовник. Оба эти явления выражают две стороны того факта, что с ходом экономической эволюции любовь, как и все предметы обихода, получила товарный характер»²⁾.

¹⁾ «Иллюстрированная история нравов», СПб., 1913, том I, 4.

²⁾ Фукс, *op. cit.*, I, 281.

Необходимо заметить, что продажная любовь отнюдь не является отличительным признаком лишь капиталистического строя,—мы встречаемся с ней в истории повсюду, где уже имеется налицо товарное хозяйство,—одновременно с тем, как на рынок выносятся продукты человеческого труда,—«потребительные стоимости» превращаются в «мелкие», в товары,—предметом купли-продажи становится и любовь.

Но массовый характер проституция приобретает лишь при капитализме,—ибо его отличием как раз является тот элементарный факт, что всё превращается в товар,—не только все продукты человеческого труда отчуждаются их собственником покупателю,—становятся продажными и честь, и совесть.

Массовая пролетаризация и пауперизация мелких производителей, вовлечение женщины в качестве работницы на фабрики и заводы, где ее каторжный труд вознаграждается ничтожной оплатой, разрушение капитализмом традиционных форм семьи—вот причины, объясняющие те громадные размеры, которые принимает проституция при капитализме.

Нищета была источником продажной любви и в докапиталистических общественных формациях. Братья Гонкуры, говоря о проститутках во Франции в XVIII веке, находят необходимым «признать, что лишь немногие девушки сами по себе погрязали в пороке. Часто их толкала к этому нужда постепенно или с одного разу; источником всей этой испорченности является отчаяние. Заработная плата женщины колебалась тогда от 10 до 12 су, и на эти деньги ей надо было жить. К тому же этот заработок не был постоянным, ему в конце этого столетия угрожала, его подрывала почти повсюду распространившаяся мода, а именно конкуренция мужчин во всех тех работах, которые наиболее являются подходящими для женских рук, все дамские сапожники, дамские портные, дамские парикмахеры» ¹⁾).

Понятно, какое распространение должна была принять проституция, когда производительный труд женщины стал массовым явлением.

Все беспристрастные исследователи указывали на зависимость проституции от развития товарного хозяйства.

По словам д-ра мед. Ивана Блоха, «не подлежит сомнению, что в первобытное время, с его совершенно отличными общественными отношениями, проституция больше приближалась к современной дикой любви, чем к современной проституции. Тогда существовало беспорядочное половое общение, но не было полового разврата, как

¹⁾ Edmond et Jules Goncourt. «La femme au XVIII siècle», Paris, 1912, 288—289.

ремесла» ¹⁾. То, что этнологи называют проституцией, есть только особая форма свободной любви.

«Проституция всюду находится в тесной связи с ростом городской жизни», продолжает тот же исследователь ²⁾.

Он признает громадное и исключительное значение экономических факторов для возникновения и роста проституции. «Новейшие статистические исследования не оставляют никакого сомнения в том, что многие девушки бывают вынуждены заняться проституцией вследствие действительной абсолютной нужды.

«Не подлежит сомнению,—продолжает врач, подходящий к исследованию вопроса без всяких социологических предпосылок,—что вся наша половая жизнь до такой степени тесно связана с *социальным вопросом*, что реформа ее требует, в виде безусловно необходимой предпосылки, реформы хозяйственных отношений. *Массовый характер проституции и ее непрерывный ускоренный рост* могут быть объяснены только быстрым преобразованием хозяйственных отношений, выразившимся в концентрации населения в больших городах, в индустриализации промышленности, в обострении борьбы за существование, в повышении брачного возраста, в растущем числе несамостоятельных в хозяйственном и профессиональном отношении лиц. Большую роль играет здесь и другая специфическая черта современной капиталистической промышленности, а именно, рост *детского труда*, и чрезвычайно низкая, в среднем, оплата женского труда.

«Недостаточная заработная плата часто заставляет взрослых женщин и девушек заниматься проституцией как побочным ремеслом. Даже более того—известно, что предприниматели заранее считаются с тем фактом и нередко у них хватает грубого цинизма, чтобы указывать своим работницам на этот метод улучшения заработной платы, столь удобный для предпринимательского кармана» ³⁾.

Нужно помнить, что Блох отнюдь не социалист.

Даже буржуазные писатели признают, что «не погоня за роскошью, а очень часто и нужда в самом необходимом ведет работниц к пороку. «Дело обстоит так, что много женщин занимается проституцией из добродетели с единственной целью не дать умереть с голоду многочисленной семье..., когда труд не дает им средств прокормить своих престарелых или больных родителей» ⁴⁾.

«Работница в 1848 г. гораздо скромнее и ограничивает свои желания двенадцатичасовым днем, ибо ее рабочий день

¹⁾ Проф. И в а н Б л о х, «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре».

²⁾ О р. с., 266.

³⁾ О р. с., 273-4

⁴⁾ L e o n A b e n s o u r. «Le féminisme sous le règne de Louis-Philippe et en 1848», 2-e édition, Paris, 1913, 72.

продолжается в общем шестнадцать, пятнадцать или, по меньшей мере, четырнадцать часов».

«Лучшим доказательством крайней нищеты работниц во время существования «национальных мастерских» (ateliers nationaux) является петиция, поданная Луи Блану работницами первого округа, в которой они просят для всех по одному франку за шитье сорочки (в народных мастерских женщины шили рубашки для солдат) или за день».

«Крайне необходимо улучшить положение работниц,— говорится в петиции,—и этого требует не только чувство человечности, но сама нравственность, ибо «работница, проработав целый день, получает заработок всего лишь в двенадцать, пятнадцать, в лучшем случае двадцать су, и часто вынуждена пойти на позор, чтобы скрыть свою невыносимую нищету» ¹⁾.

Всеми сколько-нибудь беспристрастными исследователями давно уже признана несостоятельность теории Ломброзо о «прирожденных проститутках» — учения, столь же удобного для буржуазии, как принадлежащая тому же ученому теория о «прирожденных преступниках» ²⁾.

Буржуазное искусство не раз указывало на роль нищеты, как причины проституции.

Виктор Гюго в своих «Chants du Crépuscule» (Песни сумерек) в прекрасных стихах коснулся экономических причин зла.

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!
Qui sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe?
Qui sait combien de jours sa faim a combattu?

Perle avant de tomber et fange après sa chute!

La faute en est à nous. A toi, riche! à ton or!

(Никогда не оскорбляйте падшей женщины! Кто знает, какое бремя сломило слабую душу? Кто знает, сколько дней она боролась с голодом? Жемчужина до своего падения, превратившаяся после этого в грязь... *Вина лежит на нас, на тебе богач! на твоём золоте!* ³⁾).

Знаменитый французский поэт Огюст Барбье в своем стихотворении „Le Minotaure“ влагает в уста несчастной жертве капитала следующие слова:

O triste pauvreté, mauvaise conseillère,
Fatale entremetteuse, à quels faits monstrueux
Livrez-vous quelquefois le seuil des malheureux ⁴⁾.

¹⁾ L. Abensour. Op. c., 264—6.

²⁾ Наблюдающиеся у проституток физические и духовные аномалии, на которые указывали сторонники школы Ломброзо, являются не причинами, а следствиями их образа жизни.

³⁾ «Les chants du crépuscule», XIV Ed. Hetzel, Paris, 105. Стихотворение помечено 6 сентября 1835 года.

Auguste Barbier. «Jambes et poèmes». 32-е édit Paris, 209.

(Печальная бедность, дурная советчица, роковая сводчица, на какие чудовищные поступки толкаешь ты дам несчастных).

Вместе с проституцией тесно связана и ее государственная регламентация,—этот институт без права, ярко выражающий природу буржуазного государства, признающего своим необходимым устоем постыдное физическое и моральное развращение сотен тысяч женщин.

«Под «регламентацией» говорит Блох, мы, с Шмельдером, понимаем следующий обычный в большинстве культурных (???) государств порядок. Полиция ведет списки всех женщин, занимающихся, по полицейским сведениям, проституцией. «Внесенные в список» («inscrites») получают «*licentia stupri*», т.е. разрешение на занятие развратом под постоянным контролем полиции (знаменитый контроль нравов), связанным с массой постановлений, запрещений и принудительных правил и, что важнее всего, с необходимостью подвергаться периодическому медицинскому осмотру и принудительному лечению» ¹⁾.

Цель, которой буржуа оправдывали подобную меру,—признать регламентацию как средство в борьбе с венерическими болезнями, оказалась недостигнутой,—наоборот, по мнению Блоха,—регламентация способствует искусственному насаждению проституции,—мало того, регламентируемая проституция опаснее в смысле здоровья, чем свободная ²⁾.

С проституцией тесно связан и сифилис,—этот страшный бич современного человечества, бедствие, которым оно обязано капитализму.

«Как легко и свободно начинаешь себя чувствовать при мысли, что в истории старого мира был период, когда сифилиса не было, пишет Блох, что в сравнении с временем существования сифилиса этот период бесконечно велик, и что, поэтому, если направить свой взор в глубину будущего, история сифилиса покажется нам простым эпизодом в жизни европейского культурного человечества».

Исследование о происхождении сифилиса привело меня к тому чрезвычайно важному выводу, что сифилис—по-скольку речь идет о старом культурном мире—является

¹⁾ Op. с., 329.

Вот в каких выражениях братья Гонкуры рисуют в одном из своих романов его героиню-проститутку.

«Les yeux dans tous les hommes ne voyaient plus que l'homme; l'individu lui était égal. La dernière pudeur et le dernier sens humain de la débauche, la préférence, le choix et jusqu'à ce qui reste aux prostituées pour conscience et pour personnalité, le dégoût même,—elle l'avait perdu».—(Edmond et Jules de Goncourt «*Germinie Lacerteux*»).

²⁾ Op. с., 330.

специфической болезнью нового времени, появившейся впервые в конце XV века ¹⁾.

Сифилисом наделил население Европы капитализм, когда он еще только начинал свое триумфальное шествие по Европе,—смертный час капитала во всем мире освободит человечество и от этого позора цивилизации.

Неминуемое исчезновение проституции при коммунизме поведет и к искоренению венерических болезней, этого грозного спутника проституции.

Помимо проституток, главными носителями их являются имущие классы капиталистического общества. Согласно приводимой у Блоха таблицы, относящейся к Германии в 1898 г., венерические болезни распространены больше всего среди купцов, студентов и тайных проституток, главным образом, кельнерш; значительно меньше среди рабочих и солдат ²⁾.

Ученый исследователь не делает вывода, само собой напрашивающегося из этих цифр, что главным очагом заразы, главным потребителем живого товара являются имущие классы капиталистического общества, официально выступающие защитниками «семьи», как устоя современного строя.

Блох отмечает также результаты статистики всего прусского королевства, произведенной 30 апреля 1900 г. по распоряжению министерства народного просвещения.

На 10.000 взрослых мужчин в Берлине приходилось в этот день 142, в других больших городах с населением свыше 100.000 человек—100, в мелких и средних городах—50, а по всей Пруссии в среднем 28 больных венерическими болезнями ³⁾.

Как видим, заболеваемость населения растет в соответствии с капиталистическим развитием, она достигает высшего уровня в крупных городских центрах,—они же дают и наибольший процент венериков.

Буржуазные революционеры, когда они находились у власти, пытались бороться с проституцией.

Такой тактики во время Великой Французской Революции держалась левая фракция якобинцев.

«Шометтисты, как их называли, требовали «республиканских добродетелей», т.-е. солидной семейной жизни, простого образа жизни и строгости нравов. Поэтому, как парижский городской прокурор, Шометт горячо отдался «чистке Парижа», уничтожению кабачков, где собирались проститутки, игорных притонов, домов терпимости, борьбе с распущенностью проституток на самых больших и многолюдных па-

¹⁾ Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре, Спб., 1909, 293.

²⁾ Ор. с., 326.

³⁾ Ор. с., 326.

рижских улицах,—это явление при республике мало-по-малу выросло до таких размеров, что ничего подобного раньше никогда не наблюдалось при старом режиме. А когда все строгости не привели ни к чему, в заседании коммунального совета 13 ноября 1793 года Шометт провел воспрещение домов терпимости и открытой проституции и начал против последней беспощадную борьбу ¹⁾.

Но мероприятия Шометта заранее были обречены на неуспех, ибо они не касались источника зла—экономического неравенства. По словам историка, Шометт «достиг только того, что с главных улиц проституция перекинулась в отдаленные углы, проститутки, которые и без того лучших клиентов находили среди богатых, вместе со своими содержателями окончательно перешли на сторону реакции. Всякий раз, когда возникали сходбища и устраивались демонстрации протеста клерикалов и роялистов, здесь оказывались и проститутки вместе со своими альфонсами и поднимали шум и вопли против «анархистского» городского управления».

Шометт отнюдь не был ригористом.

«Свободный брак, заключенный «перед лицом солнца», без вмешательства церкви и не зарегистрированный в городских списках, в его глазах имел такую же моральную ценность, как заключенный по законам брачный союз.

«Но он относился положительно с фанатической ненавистью к проституткам и к тем женщинам, которые вместо того, чтобы кормить детей, как будто считают, что без них не могут обойтись все эти общественные процессии, парады, собрания и т. д.» ²⁾.

Мелкобуржуазный характер якобинского революционера, ярко сказывается в том факте, что проститутки он ставит в ряд с женщинами, стремившимися к участию в общественной жизни.

Пролетарская революция может успешно бороться с проституцией; ибо она не ограничивается поверхностной «чисткой», борьбой с внешним проявлением зла,—преобразовывая экономический базис общественного здания, она уничтожает эксплуатацию и нищету масс, порождающие проституцию,—а вместе с исчезновением причины устраняется и следствие.

Коммунизм не будет знать проституции, этой язвы классового строя, приобретшей размеры массового бедствия при капитализме, так же как не знал проституции и первобытный родовой строй.

¹⁾ Генрих Кунов. «Борьба классов в Великой Французской Революции», 2-е изд., Москва, 1920, 514.

²⁾ Ор. с., 515.

Еще в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс указывали, что крушение капитализма неизбежно приведет к уничтожению проституции, ибо в обществе, где нет более места товару, и любовь не может больше служить предметом купли-продажи.

По словам Маркса, и первый опыт пролетарской диктатуры—Парижская Коммуна 1871 г., несмотря на ее кратковременное существование, нанесла решительный удар проституции вместе с преступлением.

«Коммуна каким-то чудом преобразила Париж. Распутный Париж Второй Империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных поземельных собственников, ирландских абсентеистов, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских эскрепостников и валашских бояр. В морге ни одного трупа, нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 48 года улицы Парижа в первый раз стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. «Мы уже не слышим, — говорил один из членов Коммуны, — ни об убийствах, ни о грабежах, ни о преступлениях против личностей; можно думать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих». Кокошки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности»...¹⁾.

В России мы переживаем еще промежуточную фазу между капитализмом и коммунизмом, — переходный этап к грядущему «царству свободы», — период пролетарской диктатуры, являющийся связующим звеном между антагонистическим обществом прошлого и гармоническим строем будущего.

В переходную эпоху, по французской поговорке, мертвый еще пытается схватить живого, — миазмы разлагающегося капитализма еще продолжают заражать общественную атмосферу.

К таким продуктам гниения старого общества относится и проституция, — увь, как показывают многочисленные свидетельства, — еще не искорененная в Советской России.

Корни товарного хозяйства еще не отмерли, — «свободная торговля» еще влачит свое существование, — масса населения России — мелкие производители, крестьяне — продолжают еще выделять из своей среды буржуазию; нищета масс в результате гражданской войны достигает гигантских размеров — и на почве живучести товарного хозяйства продолжает влачить свое существование и проститу-

ция,—иногда предметом «свободной торговли» остается и женское тело.

Конечно, ее размеры во много раз сократились по сравнению с капиталистической «старинной»,— те цифры, которые были в печати 17.000 для Петербурга¹⁾, 10.000 для Москвы²⁾, это незначительные остатки тех стотысячных армий проституток, которые были «устоем» буржуазного режима³⁾.

Вместе со спекуляцией, воровством, преступностью — проституция является наследием капиталистической цивилизации—и будет исчезать по мере все более крепкого внедрения ростков коммунизма в гнилую почву старого мира,—по мере укрепления нового общества.

Лишь полное торжество коммунизма вырвет с корнем и проституцию.

По справедливому замечанию Каутского:

«Проституция и коммунизм—понятия, взаимно исключющие друг друга. Различные формы коммунизма могут соединяться с самыми разнообразными формами половых отношений, за исключением лишь одной: продажной любви. Где нет товарного производства, где не покупают и не продают, там женское тело, точно так же, как и рабочая сила, перестает быть товаром»⁴⁾.

К этому же вопросу Каутский возвращается и в своей известной книге «Размножение и развитие в природе и обществе».

«Социалистическое общество, говорил он там, упразднит экономические мотивы, которые действуют на повышение брачного возраста. Отнимая у проституции всякую почву, оно тем самым облегчит заключение ранних браков.

«В буржуазной науке широко распространено мнение, что проституция является естественной необходимостью, и что упразднение ее представляет утопию. Но не требуется особых исторических знаний, а стоит только бросить взгляд за пределы своего города, чтобы увидеть, что проституция вовсе не является общественной необходимостью. В деревнях очень распространена «свободная», т.-е. внебрачная любовь, но там нет проституции, продажной любви. Торговля любовью возникает одновременно с торговлей вообще, и вначале она процветает в центрах торговли и роскоши, а впоследствии распространяется также на промышленные центры.

«Но и в городах проституция является продуктом не особых естественных законов, а определенных социальных

¹⁾ «Петрогр. Правда», № 152, 11 июля.

²⁾ «Правда», № 190, 28 августа.

³⁾ «Вот произошла Октябрьская революция (она сказала «большевистский переворот»), заработки наши пали, чем это объяснить—свободой ли браков или закрытием разных уголков, я не могу сказать», приводит тов. Рихин слова проститутки в № 202 «Правды» (12-го сентября).

⁴⁾ «Предшественники новейшего социализма», пер. В. Базарова, Москва, 1920, II. 265.

условий. Как бы богатые женщины ни были безнравственные и какой бы они страстностью ни отличались, они все же не попадают в категорию проституток, потому что им не за чем продавать свою любовь первому встречному, они могут себе позволить такую роскошь, как отдавать свою любовь даром.

«Социализм создаст условия, при которых женщине не придется продавать свое тело для того, чтобы иметь возможность существовать. Таким образом, будет отнята у проституции всякая почва, будут уничтожены венерические болезни, с распространением которых легко будет бороться, если женщина не принуждена будет отдавать себя первому встречному, если мужчины лишены будут возможности выбирать себе ежедневно другую женщину, если половые сношения возможны будут только в рамках продолжительных «связей» ¹⁾).

Как видим, было время, когда Каутский не проводил знака равенства между победой коммунизма и национализацией женщин, как он делает это теперь в своей клеветнической кампании против Советской России... На неизбежное исчезновение проституции при коммунизме указывали и писатели не марксисты. «Нельзя не предвидеть и того, что в сфере брачной и внебрачной половой жизни должна совершенно исчезнуть, с утверждением социализма, полая любовь за деньги или из-за денежных соображений, позорящая нашу цивилизацию», пишет Антон Менгер ²⁾.

Нищета, невежество, преступность и проституция—все язвы, от которых человечество страдало на протяжении веков, все бедствия, мешавшие свободному развитию как всех членов общества в его совокупности, так и каждого в отдельности—выжигаются каленым железом пролетарской революции.

VIII.

Советская Россия переживает еще только начальные фазы того процесса развития, которое преобразует капиталистическое общество в социалистическое,—ее быт представляет еще смесь пережитков старого с ростками нового,—манящие человечество идеалы коммунистического царства небесного на земле не осуществлены еще и в малой мере ³⁾.

И в области семейных отношений еще не стало фактом предвидение Энгельса о превращении отношений между молами в частное дело,—государственная власть, это необ-

¹⁾ Ор. с., Киев, 1910, 220—221.

²⁾ «Новое учение о нравственности», Спб., 1906, 80.

³⁾ «Уродливыми» такие комбинации приходится называть только в том случае, если здесь заключение брака объясняется материальным расчетом.

В статье «Борьба с проституцией в Петербурге». («Комму-

ходимое в течение переходного времени орудие классовой борьбы пролетариата, не отказалась еще от всякого вмешательства в брачные дела.

Каутский в своей уже цитированной нами работе указывал на основания, по которым в рамках буржуазного общества невозможно отказаться от регламентирования отношений между полами.

«До тех пор, пока сохраняется товарное производство, законное привязывание мужчины к семье всегда будет составлять лучшие экономические условия для воспитания детей, чем бесформенная, в любое время по воле одной из сторон расторгжимая половая связь, не налагающая на отца никаких обязанностей или налагающая на него обязанности только минимальные. Это положение вещей изменится только тогда, когда будет установлено общественное производство и место родительской заботы о детях займет общественная забота о них. Вместе с тем станет излишним законное сковывание мужа и жены. Правда, капиталистическое общество сумело сделать это сковывание невыносимым и во многих

нистка». Орган Отдела Центрального Комитета Всероссийской (?) Коммунистической партии по работе среди женщин, июнь—июль 1920, № 1—2), т.-е. Равич жалуется, что «нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений».

«Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат. Самые ответственные политические люди, вожди революции, сами в этой области до очевидности бессильны и явно не связывают концов с концами».

В этих словах имеется некоторая неясность. Если противопоставлять «свободной любви» «свободный разврат», под последним можно понимать только проституцию,—но она с каждым днем все более и более теряет корни при новых условиях,—и, конечно, не ее идеализируют «лучшие люди». Под «свободный разврат» подходят явления, о которых т. Крупская говорит в том же номере журнала в статье «Война и деторождение».

«Мы видим, как из-за хлеба, из-за разрешения протащить сквозь заградительный отряд мешок муки—женщина идет на все—отдает самое себя».

«Негодяев, готовых воспользоваться беззащитностью женщины, еще достаточно количество, и беременеют женщины от людей, которых в лицо не видели раньше. Нельзя замалчивать этого».

Все это так, но «лучшие люди» тут не при чем. Что же касается до того, что «вожди революции» не выдвигают новых лозунгов в области сексуальной жизни,—то дело в том, что так называемые «нравы», быт общества изменяются с крайним трудом, медленно и постепенно, в зависимости от преобразований экономического базиса общества,—и «лозунги» мало что могут изменить в этой эволюции.

Между тем, едва ли уж дела обстоят так плохо, как их рисует т. Равич. Ведь в том же номере «Коммунистки» в статье Н. Крупской «Война и деторождение» мы читаем, что созданные войной новые условия жизни «способствовали брачным связям, заключаемым не на основе хозяйственных соображений, а на основе взаимных симпатий».

«Связи эти носили и носят в большинстве случаев заведомо для обеих сторон временный характер. Соображения «пристроиться», взять хозяйку в дом, перестают играть какую-либо роль, и то делает брачные связи гораздо более нормальными, искренними» (стр. 19).

случаях невыполнимым, но отнюдь не сумело сделать его излишним» ¹⁾.

Наступила, наконец, пора о которой говорил Каутский— пора, когда становится излишним законное сковывание мужа и жены.

Новейший исследователь «брачного, семейного и опекунского права Советской республики» т. А. Г. Гойхбарг, с своей стороны указывает, что «пролетариат России, свергший капитализм, уничтожающий нетрудовые источники дохода, заменяющий товарное производство производством для непосредственного распределения и потребления окончательно и целиком уравнивший в правах женщину с мужчиной, устранивший всякое неравноправие полов, совершенно раскрепощающий женщину, проводящий в жизнь такие меры, как бесплатное питание, воспитание и обучение детей,—этот пролетариат мог бы отказаться от формальных удостоверений брака, предоставив дело оформления брака на полное усмотрение лиц, вступающих в брак между собою, и полностью отказавшись от всякого «сковывания мужа и жены».

Однако, гражданский брак был сохранен как мера борьбы с браком церковным.

«Главным образом в целях борьбы с религией и духовенством, пролетарская власть заявила, что брака, оформленного только в церкви, только перед духовенством, она не станет признавать, и никаких последствий с таким браком, с такой его формой не станет связывать, что она станет признавать только брак, совершенный не перед лицом священника или вообще представителя духовенства, а только перед лицом советского служащего, записывающего акты гражданского состояния, ведущего запись этих актов.

«Но если запись брака светским, советским учреждением требуется только главным образом как средство борьбы с религиозным прямым и косвенным принуждением, то государственная власть во всех случаях, когда вопрос о признании брака не находится в связи с религиозным его оформлением, должна не так строго придерживаться требования обязательного оформления брака перед советским учреждением» ²⁾.

¹⁾ «Размножение и развитие в природе и обществе».

²⁾ «Брачное, семейное и опекунское право Советской республики». Москва. 1920, 15.

Наш «Кодекс законов об актах гражданского сплочения, брачном, семейном и опекунском праве» исходит из начала единобрачия.

«Не могут вступать в брак лица, уже состоящие в зарегистрированном браке, или в браке, имеющем силу зарегистрированного» (ст. 68 «Кодекса»), не запрещая последовательной полигамии, последовательного многобрачия, запрещает для всех безусловно многобрачие одновременно, одновременную полигамию. Не ставя никаких препятствий для развода и для вступления разведшихся в новый брак, не запрещая третьих, четвертых, пятых и т. д. браков, Кодекс безусловно запрещает иметь *одновременно* двух или более мужей или жен, официально признаваемых за таковых. Ор. с., 35.

По данным т. Гойхбарга, гражданский брак в России привился довольно быстро.

«Количество гражданских браков в Москве, несмотря на опасения реставрации, которая могла эти браки аннулировать, возрастало в течение 1918 г. в Москве с изумительной быстротой. И если в первые месяцы 1918 г. количество гражданских браков в Москве было значительно ниже числа светских разводов, то в следующие месяцы число браков, в чем можно будет убедиться ниже, уже стало весьма значительно превышать число разводов. Количество разводов достигло в Москве своего апогея, своей наивысшей точки в апреле 1918 г., после чего пошло на убыль, а количество браков в Москве возрастало неуклонно в течение всего 1918 г., и кривая его роста постоянно повышалась. Почти такое же неуклонное возрастание количества браков замечалось в Петербурге, в особенности, если принять во внимание панику, господствовавшую в Петербурге в течение марта—июня в связи с его эвакуацией, угрозой приближения немецких империалистов, а также и крайнее обезлюдение Петербурга в течение 1918 г. ¹⁾»

Крайне интересные данные для занимающего нас вопроса дает статистика Петербурга за 1919 год.

Весьма знаменательны изменения того, что статистики называли «Коэффициентом брачности» для Петербурга ²⁾.

«Низкая, сравнительно с сельским населением, брачность горожан представляет характерное явление для стран сельскохозяйственного, земледельческого типа и кроме России наблюдается в Сербии, Болгарии, Румынии, Венгрии.

«В Петербурге же, как в русских городах вообще, при слабых возможностях приложения женского труда в прежнее время, экономической невозможности для значительной части мужского населения обзаводиться женой и семьей в связи с тем, что большая часть городского рабочего населения не порвала еще связи с деревней и предпочитала заключить браки дома в деревне, брачность была низка.

«Война вызывала резкое понижение и без того низкой Петербургской брачности. В 1915 году брачность упала до 5,0 и в 1916 г. до 4,7 на 1.000 населения. В 1917 и 1918 г.г. брачность в Петербурге довольно быстро растет, а в 1919 г. достигает совершенно исключительного, небывалого уровня (23,2 брака на 1.000 жителей), создавая, повидимому, мировой рекорд в этом отношении.

«Исключительно высокая брачность в Петербурге в настоящее время обращает на себя тем большее внимание, что

¹⁾ Ор. с., прил., 40—41.

²⁾ См. статью С. А. Новосельского «Естественное движение населения в Петрограде в 1919 г.», в «Материалах по статистике Петрограда», вып. I, II, 1920, 12 сл., а также таблицы 2, 3 и 4.

она наблюдается вопреки ряда обстоятельств, обычно как правило понижающих брачность,—гражданской войны, крайне неблагоприятных хозяйственных условий, голода, эпидемий и т. п.

«Прежде всего, брачность петербургского населения, как и России вообще, была резко задержана 3-летней мировой войной, и некоторую часть современного повышения следует отнести за счет происходящей ныне компенсации в этом направлении. Повышение брачности населения по окончании войны представляет, как известно, обычное закономерное явление.

«Ряд материальных выгоды и преимуществ, представляемых женам мобилизованных и мобилизуемых красноармейцев (дополнительный продовольственный паек, топливо, квартира и пр.), несомненно играют видную роль в современной повышенной петербургской брачности».

Но статистика выдвигает целый ряд других обстоятельств, вытекающих из нового социального уклада, созданного революцией и облегчающего заключение браков.

«Крайнее упрощение брачной процедуры, отмена всяких бывших ограничений вероисповедного и иного характера, легкая возможность разводов без каких-либо ограничений в отношении продолжительности брачного союза и в отношении вступления в новый брачный союз,—все это создает более легкое, чем прежде, отношение к вступлению в новый брачный союз и к легализации старых, оставшихся прежде юридически неоформленными сожителств».

Но главный фактор—это самостоятельность женщины, явившаяся результатом революции.

«Существенную роль в повышении брачности играет также при современных условиях и повышение хозяйственно-экономического значения женщины в домашнем обиходе. Работа женщины, как хозяйки, имеет в настоящее время несравненно большее значение, чем прежде, помимо того, что женщина теперь в большинстве случаев экономически самостоятельна. Экономические мотивы, удерживавшие прежде многих от заключения браков, теперь в значительной мере отпали».

«В 1919 г. значительно сократилось число браков в молодом возрасте за счет увеличения браков в средних и старших возрастных группах.

«Перепись 1918 г. показала, что % лиц обоего пола в возрасте 20—29 л., составлявший в Петербурге с пригородами, при переписи 1910 г. 26, в 1918 г. понизился до 23. Наоборот, % лиц 30 лет и выше, составлявший 38, повысился до 44. Известное значение имеют также повторные призывы на военную службу в 1919 г. преимущественно более старших возрастов, а также и отмеченное выше увеличение количества разведенных среди брачующихся».

«Встречаются и уродливые комбинации, как браки 60 летних мужчин с 25—29-летними женщинами и браки 50 летних женщин с мужчинами 25—29 лет».

IX.

Моралисты и реформаторы сломали немало копий по поводу брака и семьи, выводя из разума «чистого» или «практического» способы наилучшего устройства этих наиболее интимных сторон человеческой жизни.

Коммунисты видят единственный рычаг к действительному преобразованию человеческих отношений в изменении производственного базиса, экономического фундамента общественной жизни, многообразными надстройками над которым являются различные идеологические формы, в которые облачается человеческое сознание, нравы и обычаи.

И к вопросам брака и семьи марксисты подходят с никогда неизменяющим им оружием материалистического понимания истории, единственно плодотворным методом научного исследования в области обществоведения.

Формы семьи определяются формами хозяйства,—с ходом развития производительных сил, с изменением экономического фундамента общества, эволюционируют, приспосабливаясь к базису, и формы отношений между полами.

Истинно человеческими могут они стать только после того, как вся окружающая человека, созданная его же усилиями, общественная среда станет достойной человека,—когда будет вырвано с корнем всякое экономическое и политическое неравенство между людьми, когда исчезнет всяческое насилие, эксплуатация, угнетение.

А это предполагает производственные отношения, основанные на товарищеском сотрудничестве производителей, на общем владении ими средствами производства...

Иными словами, ключ к «прямым ответам» на «проклятые вопросы» личной жизни лежит в разрешении все той же проблемы коренного общественного переустройства,—пересоздания общества на началах коммунизма.

Враги пролетариата часто старались свести коммунистическое движение к вопросам желудка—по их словам выходило, будто борющийся рабочий не стремится ни к чему иному, как к удовлетворению потребности в хлебе насущном, к обеспечению себя материальными благами, которыми он обделен при господстве капитала.

В действительности революционное движение пролетариата является величайшим культурным движением, которое когда-либо видал мир—его задача—вырвать человечество не только из оков нищеты, но освободить его от не менее тяжелых цепей духовного рабства, приобщить массы, обречен-

ные капитализмом на изнурительный механический труд, к творчеству в области науки и искусства.

Скачек из царства необходимости в царство свободы» так охарактеризовал один из отцов научного коммунизма, Фридрих Энгельс, переход к обществу будущего.

Пролетариат, освободив себя, растворится в человечестве,—и освобожденное человечество перестанет, наконец, быть рабом созданных им же слепых сил общества,—оно сделается господином своей судьбы,—оно будет кузнецом своего счастья.

«Die Notwendigkeit wird menschlich sein» ¹⁾, необходимость станет человеческой в обществе будущего.

Коммунизм будет тем самым гуманизмом, о котором все века мечтали лучшие представители человечества,—все отношения между людьми—как в самом трудовом процессе, так и вне его—станут истинно человеческими.

Сгинет могущество всех, стоящих над человеком внешних сил, созданных развитием построенного на классовых противоречиях, препятствующих созданию светлых, гармонических условий жизни,—по словам «Коммунистического Манифеста», «свободное развитие каждого станет, наконец, условием свободного развития всех».

И освободившись от господства золотого тельца, сдав в музей древностей государственную власть, это порождение классового антагонизма, новое поколение людей, выросших в развитом коммунистическом обществе, создаст светлую и блаженную жизнь, подобную существованию *kaloi k'agathoi* древней Греции, людей эпохи Возрождения—с тем отличием, что свободная и прекрасная жизнь будет уделом не незначительной кучки привилегированных, как это было встарь, а всего освобожденного человечества.

В преображенном мире, в сведенном с небес на землю тысячелетнем царстве, люди сумеют построить по-новому и свою личную жизнь,—исчезновение всех форм эксплуатации и угнетения, полное экономическое равенство создали для этого материальные предпосылки.

«*Fay se que vouldras*», делай, что хочешь,—эта надпись красовалась на аббатстве Телем, которое живописует великий французский гуманист XVI века Франсуа Рабле в своем романе «Гаргантюа» (chap. LVII).

Великий гуманист справедливо не боится дурных последствий предоставленной свободным людям свободы.

«Потому что свободные, благородные, благовоспитанные люди,—говорит он,—водящие компанию с честными людьми, от природы одарены инстинктом и влечением поступать добродетельно и уклоняться от порока; и этот инстинкт они называют честью. Если же их насильно подчиняют и угне-

¹⁾ Слова маркиза Поэ в шиллеровском «Дон Карлосе».

тают, то, униженные и порабощенные, они отвращают от нас благородной склонности к добродетели, которая перерождается в желание ниспровергнуть иго рабства. Ведь мы все делаем то, что нам запрещено и гонимся за тем, в чем нам отказывают. Эта свобода развивала в них похвальное соревнование каждому поступать так, чтобы все были вольны». («Гаргантюа», глава LVII).

Строители грядущего царства коммунизма, освобожденные от всех оков внешнего принуждения, поступая, как хотят, подчиняясь законам только своей собственной природы, превратят свою жизнь в произведение искусства, достойное великого мастера!
